

Берега свободы

Степан
Калита

Степан Калита
Берега свободы

«Автор»

2015

Калита С.

Берега свободы / С. Калита — «Автор», 2015

Америка – страна липовой демократии, сомнительных прав и ограниченных свобод – дала Степану главное право – право на депортацию за счет налогоплательщиков. США поселила его в одной из иммиграционных тюрем штата Вирджиния. В общем, он получил полную свободу – свободу убраться из «великой» страны со своим липовым российским загранпаспортом с просроченной туристической визой. Но США – страна неограниченных возможностей, с тем же иллюзорно-демократическим строем, что и Россия, управляемая олигархической элитой. И договориться с «нужными людьми» здесь можно всегда – «были бы баксы на кармане». Герою предстоит пройти путь от нищего эмигранта до бандита и миллионера, столкнуться с русской, итальянской и ирландской мафией, и отстоять свое право называться личностью.

© Калита С., 2015

© Автор, 2015

Степан Калита Берега свободы

Америка – страна липовой демократии, сомнительных прав и ограниченных свобод – дала мне главное право – право на депортацию за счет налогоплательщиков. А еще право на бесплатного иммиграционного адвоката. Жадный и хитрый еврей по имени Иосиф восхищал абсолютной беспринципностью. Еще Америка поселила меня в одной из иммиграционных тюрем штата Вирджиния – мое пребывание там обходилось простым американцам недешево... В общем, я получил полную свободу – свободу убраться из «великой» страны со своим липовым российским загранпаспортом, слепленным, правда, не кое-как, а очень хорошо, и просроченной туристической визой. Но США – страна неограниченных возможностей, с тем же иллюзорно-демократическим строем, что и Россия, управляемая олигархической элитой. И договориться с «нужными людьми» здесь можно всегда – «были бы баксы на кармане».

Такой расклад, употребив именно эту фразу, мне буквально на пальцах объяснил Иосиф. Ему не зазорно было называться именем тирана, убившего его родителей, по-русски он изъяснялся почти совсем без акцента, а про то, что случилось с мамой и папой в советском ГУЛАГе, поведал, посмеиваясь, заметив при этом, что «со всяким может случиться подобная неприятность, если кому-то слишком дороги их идеалы».

– Как это? – спросил я.

– Мои родители, светлая им память, очень верили в коммунизм и Иосифа Сталина. И с этой верой таки сошли в могилу. Все мы подвластны ему, – он показал пальцем на бетонный потолок «отстойника», как я прозвал место, где оказался, – и ему, – он развернул перед моим лицом ловко извлеченную из кармана двадцатидолларовую купюру.

– Бенджамину Франклину?

– Очень остроумно, молодой человек. Как я вас уважаю. Вы имеете настроение шутить. Хотя в вашем положении другой бы горько плакал. Скажите, у вас есть деньги, чтобы договориться с нужными людьми? И немного помочь вашему усердному посреднику, конечно же? Или вы предпочитаете ехать обратно – в Ро-осси-ию, – название моей страны он проговорил нараспев, – смею вас заверить, там сейчас не очень хорошо, а будет только хуже. Впрочем, вы же умный и веселый молодой человек. Наверняка у вас имеется интересное мнение?

– Денег у меня нет, – сказал я. Лицо Иосифа сразу приняло скучающий вид. – Но я достану.

– Все так говорят, – печально произнес адвокат, – но потом оказывается, что это был блеф. А я не могу подводить солидных людей. Мне нужны гарантии, как вы, конечно же, понимаете. Ведь вы умный молодой человек. Я сразу это понял, как только увидел вас, и услышал вашу удивительную историю. А гарантии вам может дать только серьезный поручитель. У вас есть кто-то серьезный, готовый поручиться за вас в США?

Я многозначительно молчал, размышляя.

– Вам очень повезло, молодой человек, – сказал Иосиф, сотворив на лице мину благодетеля, – вы мне так понравились, что я по большому секрету скажу вам, только между нами, что есть один человек, готовый за вас поручиться прямо сегодня. Но это, конечно, тоже совсем не бесплатно. И совсем не дешево, как вы, наверное, догадываетесь. Ведь вы же...

– Умный молодой человек, – закончил я за него фразу. – В Россию мне нельзя. Так что я согласен на все. Только вытащите меня отсюда. Деньги будут.

– Погодите так торопиться, – он открыл портфель, покопался, достал какие-то бумаги. Протянул мне несколько листов. – Внимательно прочитайте все. И потом подпишите...

– Что это?

– Гарантии для поручителя, что он может за вас поручиться. Гарантии для меня, что я не зря гарантирую поручителю, что за вас можно поручиться. Ну и гарантии для вас – что вы обретете наконец столь вожаделенную свободу. Вам же, наверное, не терпится выйти отсюда как можно скорее?

– Не то слово, – я едва не подмахнул все бумажки, не читая, но потом все же решил с ними ознакомиться – и тут же отложил в сторону. – Что это? Они на английском?

– Ну, конечно, на английском, – возмутился Иосиф, – не на идише же. Мы же с вами Америке, а не на Святой земле.

– По-английски я не читаю, – признался я, чувствуя себя идиотом, угодившим в ловушку.

– Тем лучше... то есть я хотел сказать, тогда, молодой человек, вам остается только довериться вашему доброму другу Иосифу, и надеяться на лучшее. – Он пододвинул бумаги ко мне. – Подписывайте. Не сомневайтесь. Не вы первый. Не вы последний.

– И где сейчас этот последний? – угрюмо спросил я.

– Вас интересует самый последний или тот, что был перед ним? Потому что самый последний оказался не самым умным – и улетел на родину.

– Тот, что был перед ним. Что он сейчас делает?

– Насколько мне известно – усердно работает, как и подобает всякому достойному человеку.

– Отрабатывает долги, – я кивнул с пониманием, – и работать ему еще лет сто пятьдесят, чтобы расплатиться?

– Нет, ну какой вы веселый молодой человек, вы уверены, что вы не еврей? А ваша бабушка? Может, она была еврейкой? А вам просто забыли об этом сказать?

– Моя бабушка – русская, – сказал я и, невольно перенимая его тон добавил: – Давайте не будем трогать мою бабушку... – Я еще раз взял бумажки в руки, пробежался по английским непонятным словам. – Что это за цифра? – спросил я. – Телефонный номер?

– Неужели вы думаете, помощь нужных солидных людей будет стоить так дешево? Это просто условная цифра, она совсем ничего не значит. Так вы хотите-таки жить в свободной стране? Или поедете обратно?

Я подписал все бумажки, подсунутые Иосифом, о чем потом, конечно же, сильно пожалел... Хотя расплатился по долгам я красиво. Заработав деньги вооруженным налетом на тех самых солидных поручителей...

В принципе, уже через неделю после пребывания в иммиграционной тюрьме я знал, что в этой стране смогу заниматься только одним ремеслом – бандитизмом. Конечно, со свойственной мне фантазией и изяществом. Потому что Ю-СЭА давила на меня, воспринимала меня бесправной букашкой, и намеревалась, похоже, раздавить полностью. С законодательным беспределом бороться правовыми методами было абсолютно бесполезно. Я ощущал, что мою личность растоптали, меня как будто лишили яиц, я перестал быть мужчиной, не чувствовал маскулинную силу и власть над происходящим, не ощущал под собой родной земли – очень ясная и понятая эмоция для тех, кто вдруг оказался вне Родины и привычной культурной среды...

В тюрьме я завел несколько бесполезных, и даже вредных, знакомств. Самое любопытное в плане жизненного опыта было с молодым парнем по имени Майкл.

– Да, я Майкл. Но ты называй меня Миша, – разрешил он, – я понимаю, что так для тебя, для твоего уха, привычнее Мига... – И сразу же поделился со мной, первым встречным, подробностями своей биографии: – Я слышал, ты русский. Приехал из Великая Россия. Самая большая страна в мире. Я тоже русский. Мои пэрентс приехать в этот шит Америка, когда я был совсем бэби-крошка. У меня совсем не быть выбор. Вот почему я так хорошо говорить по-русски.

У «бэби-крошки» все руки были в наколках, и из-под майки на шею выбиралась здоровенная синяя свастика. Но он был при этом настоящим американцем – открытым улыбчивым парнем.

Заметив, что наше общение наладилось (то есть Майкл не всадил мне сразу заточку в живот, не перерезал горло краем остро наточенной миски), к нам подвалили еще двое таких же белых татуированных парней. Они, правда, оказались нерусскими, но тоже были настроены ко мне вполне благожелательно.

– Это Алекс. Саша. – Представил одного из них мой новый знакомый Майкл. – А это Гэлвин.

– Глаша? – уточнил я.

– Если тебе так будет удобнее, – не понял он моего тонкого юмора. – Я не знал, что есть такое русское имя, – «бэби-крошка» продолжал лучезарно улыбаться. Я подумал, что его дантист, наверное, работал когда-то в Третьем Рейхе. А еще – интересно, на чьей стороне воевал Мишин дедушка? Но провокационных вопросов я решил не задавать. Если ты оказался в непривычной среде, лучше вести себя выжидательно и осторожно – зачем нарываться, ситуация и так напряженная.

В этой стране, где мужчин запросто оставляют без яиц, нелегалов сажают в одну тюрьму с уголовниками, а нацисты спокойно расхаживают всюду, не скрывая своей принадлежности к поклонникам Гитлера, мне становилось все более беспокойно.

Саша и Глаша одновременно протянули мне руки для рукопожатия. Но пока я раздумывал, пожимать их нацистские ладошки, или все же не стоит, Майкл схватил мою руку и сжал ее в кулак.

– Мы приветствуем наших друзей так, – показал он, и ударил меня кулаком по кулаку – сначала сверху, а потом снизу.

Я понял, что ритуал придется соблюсти. Мы повторили приветствие поочередно с Сашей и Глашей.

Тут я заметил, что из глубины двора, с деревянной трибуны (своего рода лавка, сколоченная для заключенных) за нами пристально наблюдают очень злые чернокожие ребята. Но лучезарный фашист не обращал на них никакого внимания, и я решил, что тоже – не стоит.

У меня и так хватало поводов для беспокойства. Хотя адвокат Иосиф оказался почти что «волшебником».

После обеда (а кормили в тюрьме очень хорошо, три раза в день, разнообразной здоровой пищей – не хуже, чем в номенклатурной столовой в Союзе, пожалуй – даже немного получше) меня сразу же препроводили в переговорную, где еврейский кудесник сообщил мне, что я «выхожу».

– Ну разве не чудо? – спросил он.

– С вашими-то талантами...

– Вы мне льстите, Степан.

Оказаться за колючей проволокой было чудесно. На выходе меня встречала целая процессия – черный представительский автомобиль адвоката и мини-вэн с сопровождавшими его угрюмыми типами в строгих костюмах.

– Прежде чем мы отвезем вас в город, необходимо подписать еще кое-какие бумаги, – сказал Иосиф.

– Еще бумаги? – удивился я.

– Ну конечно! Те были фейк. Иррелевант. То есть липа.

Новые документы Иосиф аккуратно разложил на капоте своего «Линкольна». Я взял первый попавшийся.

– Опять английский?

– Вы меня удивляете, мой друг. Вы снова хотели увидеть идиш? Мы же в Америка. Здесь вся юридическая документация только на чистейшем английском языке. И попробуйте представить что-нибудь на другом языке в суде. Без заверенного перевода – даже не пытайтесь. Подписывайте. Не сомневайтесь. – Он подал мне ручку с золотым пером.

Я ощутил, что подписываю контракт с самим дьяволом. А кто еще может вытащить тебя из иммиграционной тюрьмы за считанные дни? Да еще предлагает подвезти до города? Хотя мог бы оставить дожидаться ближайшего автобуса.

Мне очень не понравилась команда угрюмых «американских футболистов», как я их сразу же окрестил, молчаливо стоящая у меня за спиной. Интересно, подумалось, если я откажусь сейчас подписывать эти гарантийные обязательства, они что, начнут выкручивать мне руки? Или меня просто вернут в тюрьму – и депортируют в Россию?

Иосиф точно был дьяволом. Такое ощущение, что он прочел мои мысли.

– Моя охрана, – отрекомендовал он «футболистов», – понимаете, Степан, приходится иметь дело с самым разным контингентом. В последнее время мне поступали очень нехорошие угрозы на телефон. Очень, очень нехорошие. И мой адвокат...

– Ваш адвокат?!

– Конечно. Мой адвокат...

– Адвокат адвоката?

– Именно так. Посоветовал мне нанять охрану. На всякий случай, так сказать. Бережного бог бережет, – и тут мой еврейский защитник, которого я полагал «дьяволом», три раза перекрестился.

Так и подмывало спросить его – не православный ли он, часом? Но я сдержался. Все-таки вера – очень интимная сфера. Впрочем, пока мы ехали, он сам поведал мне, что он – католик.

– А вы, наверное, думали, Иосиф Хейфец – иудей? – насмешливо поинтересовался он.

– Вы и на еврея-то не похожи, – съязвил я, хотя он представлял собой яркий карикатурный образ – какими обычно изображают представителей этой национальности. Крючковатый нос, хитрые черные глазки, лысая голова с высоченным морщинистым лбом, но видны завитки темных волос над ушами. Довольно нелепая фигура с непропорционально длинными руками и худыми ногами – он почему-то носил сильно зауженные брюки, хотя, я почти уверен, – костюмы ему шили на заказ.

В ответ на мою реплику Иосиф хмыкнул, но ничего не сказал. Машину вел его личный водитель, тоже здоровенный малый, как будто вчера оторвали от плуга. Мини-вэн с «футболистами» пылил сзади.

Следовало, конечно, поразмыслить, прежде чем подписывать адвокатские бумаги – цифры на них значились неподъемные. Как будто мы собирались строить мосты и стадионы за мой счет, поднимать инфраструктуру штата Нью-Йорк. Но развернуться и сказать: «Нет уж, я лучше в тюрьму» было совсем глупо...

Попался под иммигрантский контроль я по-дурацки. Можно сказать, вляпался по собственной глупости. Из-за пристрастия к алкоголю. Те, кто не высывались, и соблюдали элементарные правила, могли жить в Нью-Йорке без всякой визы, грин-карты и даже водительских прав (бывали и такие случаи) годами. Но я же был новичок. К тому же, слегка опьяненный первоначальными успехами. И не слегка опьяненный двойным бурбоном по поводу моей первой нелегальной работы и снятого на первые заработанные в Америке деньги жилья.

Конечно, посудомойщик в русско-украинском ресторане – не предел мечтаний амбициозного человека. Но для начала, для того, кто только что смылся из России, чудом оставшись в живых, очень даже неплохо.

В первый же день хозяин заведения, войдя в мое бедственное положение, вручил мне солидный аванс – целых сто тридцать долларов, благодушно заметив: «Отработаешь». А через три недели, убедившись, что дела у меня идут хорошо, я решил «развязать» – и направился

в бар. Чтобы отметить свое объединение с «берегами свободы». Бар находился не на центральной улице, а на одной из небольших улочек Манхэттена, словно прятался от нежелательных посетителей. Хотя обычно заведения такого рода любят наоборот – привлечь как можно больше внимания яркой вывеской. Мне сразу бросилось в глаза обилие смуглых лиц. Но я не придал этому значения. Мучачос меня нисколько не напрягали. Сидели и цедили текилу за столами, тихо переговариваясь по-испански. И надо же было так случиться, что именно в этот бар, именно этим вечером решила нагрянуть с особым рейдом иммиграционная полиция, сокращенно – ICE (по-английски «лед»). С ледяной холодностью они и действовали.

Я, конечно, тот еще лаки-везунчик. У Бога своеобразное чувство юмора – сначала дать тебе работу, а потом хорошего пинка под зад. И это в тот самый момент, когда тебе кажется, что ты ухватил его за бороду.

Полицейские перекрыли выход (а других путей для побега не было) и стали всех по очереди расспрашивать, кто они и откуда, заносая пометки в блокноты. Со мной разговаривала темнолицая женщина, по виду – тоже мексиканка. Сначала она проверила мои документы. Потом спросила цель моего пребывания в Соединенных Штатах. Я настолько плохо знал язык, что почти не понимал ее. И все время переспрашивал: «What?» Наверное, это звучало грубовато. Она постоянно морщилась, как будто я отвечивал ей этим «вот» моральные пощечины. Покрутив в руках мой паспорт, она спросила, знаю ли я, что моя виза закончилась неделю назад, и это означает, что мое пребывание на территории Соединенных Штатов – незаконно. Я даже не смог как следует оправдаться. Так что меня вывели в компании прочих смуглых посетителей бара, после чего всех нас затолкали по машинам. Мой паспорт при этом остался у полицейской девахи, что меня поначалу не сильно беспокоило.

Потом оказалось, что, если тебя взяли в Большом яблоке, и ты не гражданин, не обладатель грин-карты, плохо говоришь по-английски, и вообще – твой паспорт вызывает подозрение в подлинности, то тебя могут натурально отправить по этапу в Техас, Луизиану или, например, Вирджинию. Что чуть-чуть поближе. Но все равно – неприятно. «Ледовая» служба ICE, на мой взгляд, просто зверствовала, толком не разобравшись, кто перед ними, и зачем он на самом деле прибыл в страну.

В последующие дни меня завалили вопросами. Со мной разговаривал то один, то другой сотрудник иммиграционной полиции, по многу часов. Все это напоминало допросы с пристрастием. Причем, все они, словно издеваясь, говорили исключительно по-английски, а я раз за разом просил предоставить мне переводчика. Но они так и не нашли ни одного русскоязычного копа или сотрудника, который взялся бы мне помочь. Да они и не были в этом заинтересованы. Куда больше их интересовало – оформить мою депортацию, вышвырнуть меня вон из страны. Очень скоро я почувствовал, что меня не воспринимают, как личность, мои персональные качества для них не важны, я – просто таракан, по воле случая забежавший в шикарный ресторан, где господа обедают. В общем, тактику я выбрал неверную – заявил, что без адвоката не буду отвечать ни на какие вопросы, и упорно молчал на «допросах», которые все продолжались и продолжались и продолжались. Но адвоката я встретил только в Вирджинии. Видимо, в Нью-Йорке не нашлось ни одного, пожелавшего заняться моим случаем.

Да и Иосиф Хейфец, уверен, не стал бы тогда братья за мое дело. Он же мог проиграть в нью-йоркском суде, что было не в его интересах. А вот когда я вдоволь натерпелся – прокатился в тюремном автобусе, пристегнутый наручниками, как опытный рецидивист, помариновался немного в вирджинском «отстойнике» вместе с разнообразными малообразованными людишками и психами, он явился, как черт из табакерки – к тому, кто уже готов подписать любые бумаги, лишь бы снова ощутить себя вольным человеком. Ведь для нелегальных иммигрантов на «берегах свободы» никакой свободы не существовало. Циничный адвокат специализировался на таких, как я – русскоязычных, мало понимающих в американских законах, ради вождельной свободы готовых на все.

Мы ехали с Иосифом в машине и помалкивали. Он думал, как я буду десятилетиями выплачивать ему громадный долг, обеспечивая его роскошное существование. Я размышлял о том, что первым делом куплю большой нож, как у Джона Рэмбо, револьвер, как у Джона Уэйна, – и верну себе яйца.

Хотя в Америке говорят, что если ты сам себе адвокат, значит твой клиент идиот, я бы всех адвокатов поставил к стенке. Что они проделывают с юридически необразованными иммигрантами – уму непостижимо. Их главная задача – не защитить клиента и помочь ему легализоваться, а вытащить из него как можно больше денег, ободрать, как липку. Причем, в этом стремлении они конкурируют между собой. А тот из них, кто кажется честным, скорее всего – самый подлый и беспринципный паук из всех.

– Надеюсь, Степан, вы поняли, что вышли из тюрьмы под залог ваших поручителей, но суд все равно состоится? – как бы ненароком спросил Иосиф Хейфец, когда мы уже въезжали в город.

– Нет, не понял, – сказал я.

– Кстати, сумму залога я нигде не указал. Но это деньги, которые вам надо будет вернуть в первую очередь.

– Сколько?

– Двадцать тысяч долларов.

– Сколько-сколько?! – В ресторане я зарабатывал восемь долларов в час и считал, что это очень неплохо.

– Двадцать тысяч американских долларов! Их нужно вернуть как можно скорее. Потому что эти люди не любят ждать. Время – деньги, как говорится.

«Да провались оно пропадом, – подумал я. – Лучше бы я остался в иммиграционной тюрьме». Что я выигрываю, если суд все равно состоится? Там, по крайней мере, меня кормили три раза в день, можно было смотреть кабельное на испанском или английском языках, и мексикашки в моем блоке были не так уж плохи. Во всяком случае, меня они не доставали. Хотя встречались разные люди. Но, в общем, в иммигрантском блоке, в основном, все были адекватны. В драку никто не лез. Разве что случались разборки возле телевизора из-за того, какой канал смотреть.

Я даже спортом там занялся. Час в день играл в баскетбол. Правда, до парней в оранжевых робах в мастерстве владения мячом мне было далеко. Такое ощущение, что в блок для преступников набрали исключительно игроков NBA.

– И сколько у меня времени на то, чтобы вернуть эти двадцать тысяч?

– Три месяца.

– Боюсь, это нереально.

– Вы показались мне умным и деловым человеком. У вас есть недвижимость в России, которую можно было бы быстро продать и перевести деньги безналom в американский банк?

Тут я задумался. Квартира имелась. Но кто ее будет реализовывать? Мои родители жили в другой стране. Родственники в России у меня, конечно, имелись. Дальние. Но обращаться к ним с такой просьбой? Скорее всего, они не станут этим заниматься... А если станут, где гарантия, что я получу деньги?

– Ладно, – сказал я. – Что-нибудь придумаю.

– Вот и отлично.

– А что будет, если я не найду эти деньги за три месяца?

– Лучше, если вы их все-таки найдете, – заметил Иосиф, – или мне будет очень сложно защитить вас в суде. И тогда – депортация, Степан, прощай свободная Америка, здравствуй голозадая Россия. Может, это и не такой плохой вариант? А?

– Нет, – я покачал головой. – Обратно мне возвращаться нельзя. Я достану деньги.

Меня высадили на одной из центральных улиц Нью-Йорка. Окно машины с жужжанием приоткрылось.

– Да, Степан, – сказал Иосиф, – если у вас есть какие-то мысли насчет того, чтобы снова перейти на нелегальное положение... Спрятаться от меня... Куда-то уехать... Поверьте моему опыту – это очень глупые мысли. Потому что искать вас будет не полиция. Вы понимаете?

– Я все понимаю.

«Линкольн» и мини-вэн с охраной умчались. У меня в руках осталась визитка с телефоном Иосифа Хейфеца и адресом его конторы в Нью-Йорке. Я стоял посреди улицы. Далеко от иммиграционной тюрьмы. В свободной стране Америке. Но свободным себя не чувствовал. Совсем наоборот. Скорее – было ощущение некой обреченности. Попал как кур в ошип. Адвокат, похоже, легко обвел меня вокруг пальца. И теперь собирается хорошо на мне нажать.

Конечно, если бы я приехал в Штаты с солидным капиталом в кармане, я легко прошел бы с помощью умелого адвоката через все препоны законодательной системы и легализовался. Но я был нищ, как церковная мышь из далекой России.

Надо было прикинуть варианты действий.

Первый, пойти в полицию. Все им рассказать. Сказать, как меня вытащили, и что с меня требуют огромные деньги... И оказаться вновь в иммиграционной тюрьме. Потом дожидаться суда, когда меня признают нелегалом и вышлют из страны на Родину. А на Родине меня возьмут – и шлепнут. К тому же, куча бумажек, которые я подписал, наверняка не снимают с меня никаких финансовых обязательств. И по ним все равно придется платить. Хотя в далекой России американским кредиторам ловить меня будет намного сложнее.

Второй вариант. Удариться в бега. Поехать куда-нибудь в глухое местечко. Например, в Кентукки. Осесть там. И прятаться от всех долгие годы. Пока они обо мне не забудут. Может, даже найду там себе какую-нибудь бабу из местных. Поселюсь у нее. Придется, конечно, напрячься – чтобы обаять ее, что без знания языка превращается в задачу практически невыполнимую. Что ж, пусть это будет очень старая и страшная баба. Главное, чтобы помогла мне осесть. Но Хейфецу я верил. Если он сказал, что скрываться – это плохая идея – значит, это действительно плохая идея. У солидных людей всегда длинные руки с цепкими пальцами. Так что они достанут меня и в Кентукки, и на территории всей страны. Даже на Аляске. Есть специалисты по поиску людей. Они умудряются отыскать человека после пластической операции и смены всех документов за довольно короткий срок. И что потом они сделают? Убивать, наверное, не станут. Калечить тоже. Продадут на органы – чтобы отбить средства?.. Вообще, непонятно, что от них можно ждать. За фасадом адвокатской благопристойности может скрываться такое кровавое нутро – что меня запросто превратят в человеческий фарш.

И третий вариант. Пойти к своему работодателю – Дмитро Козаку. Он человек состоятельный. И если я все расскажу ему в деталях, возможно, он вникнет в мою ситуацию – и ссудит мне хотя бы эти двадцать тысяч, чтобы я мог расплатиться с солидными людьми. Ну и дальше буду рассчитываться с ними потихоньку, по мере сил и возможностей. Мне показалось, что этот вариант наиболее разумный.

Но, как вскоре выяснилось, я переоценил доброту и щедрость Дмитро. Взять меня нелегально мыть посуду в своем заведении он мог. А вот дать мне займы двадцать тысяч долларов на неопределенный срок – извини, подвинься.

– Степа, – сказал этот выдержанный пожилой человек, – ты совсем охуел?

Я с пониманием молчал. Конечно, я предвидел такой расклад. Я и сам не дал бы мало-знакомому человеку двадцать тысяч долларов за здорово живешь. С чего я только решил, что Дмитро чем-то лучше меня – и вдруг влезет в шкуру благотворителя.

Я стоял и мялся на пороге комнаты, не уходил. Он тоже не торопился выгонять меня внашею – хотя мог бы – после такой-то наглой просьбы. Просто сверлил оценивающим взглядом.

– Ну, – сказал он наконец, – посуду ты моешь хреново.

– Я старался.
– Все равно хреново. Поэтому ты уволен.
– Ладно, – я кивнул. Уволен так уволен. Все равно на этой работе такие деньги не зарабатываешь.

– Могу я узнать, что ты собираешься делать дальше?
– Ограблю банк, наверное, – пошутил я. Хотя в душе скреб зверюга – взять бы и грабнуть, на самом деле, какой-нибудь банк. Но ведь поймают, и посадят... Я и не предполагал тогда, что так и поступлю в конце концов.

Козак даже не улыбнулся моей остроте.

– Или ювелирный магазин, – сказал я.

– Видишь ли, Степа, – проговорил Дмитро печально, – у меня легальный бизнес. Я владею рестораном. Не важно, кем я был раньше. Но сейчас я бизнесмен. Плачу налоги. И мне совершенно все равно, кто собирается у меня в ресторане. Но чаще всего те, кто сюда приходит, это мои друзья. И хорошие знакомые. Некоторые из них могут подсказать, где можно быстро заработать такие деньги. Я не говорю, что они захотят подсказать. Но могут и захотеть, если я попрошу. У тебя же все равно нет другого выбора? Я правильно понял? Ссуду в банке тебе не дадут. И продать тебе нечего, если ты пришел просить деньги у меня. Я прав?

– Прав, конечно, – забрезжила смутная надежда.

– Весь вопрос в том, – продолжал Дмитро, – на что ты готов, ради того, чтобы заработать эти деньги. Двадцать тысяч долларов просто так, за здорово живешь, никто не даст. Платят за риск. Ты готов к риску?

– Думаю, я справлюсь.

– Я тебя совсем не знаю... Ты пришел из ниоткуда. Просто нарисовался на пороге и попросил работу. Сказал, что готов работать кем угодно. Я уважаю таких людей. Знаешь, почему я помог тебе?

Я молчал.

– Потому что когда-то был в похожем положении. Ты напомнил мне меня самого в молодости. Надеюсь, ты такой же, как я, и в человеческом смысле. Ценишь помощь. Благодарен тому, кто тебе помогает.

– Очень ценю, – заверил я.

– Хорошо. На днях сюда придут люди. Серьезные люди. Я тебя порекомендую. Скажу, что ты готов для них на любую работу. На любой риск. Но... – Дмитро помолчал. – Если ты меня подведешь, я буду очень огорчен. И разочарован. Потому что, по сути дела, я поручаюсь за тебя. А это серьезно.

– Я не подведу...

– Ладно, сынок. Приходи в среду. Часикам к восьми. А лучше – к девяти.

– Дайте хотя бы долларов пятьдесят, – взмолился я, – а то я совсем пустой. Мне бы хоть перекантоваться где-то до среды.

Дмитро достал бумажник, извлек несколько купюр и передал мне. Шестьдесят долларов. Чуть больше, чем я просил.

– Я все верну.

– Надеюсь.

До среды оставалось несколько дней, которые я прожил в грязном хостеле в одном из самых плохих районов города, в Южном Бронксе, – остановиться там было дешевле всего. Покупал метрокарту с таким чувством, словно она стоила целое состояние. Для меня в моем нынешнем положении так оно и было.

Возле хостела находилась крошечная оружейная лавка. Я зашел, осмотрелся. Хозяин, пожилой чернокожий, что-то спросил, но я не понял, что именно. Стал разглядывать витрину, под стеклом лежало несколько не новых пистолетов с ценниками и ножи. В основном, дорогие,

охотничьи. Но был и дешевый раскладной, с длинным тонким лезвием сантиметров в пятнадцать – всего за 4 доллара. Жизнь его не пощадила – краска на рукоятке стерлась, и что там прежде было изображено, понять уже было невозможно. Но лезвие – не расшатанное, держится крепко. В общем, я купил этот ножик и сунул в карман. И сразу почувствовал себя немного лучше. Привык ходить по Москве с ножом с раннего детства.

Хостел был такого уровня, что в комнатах помещалось по четыре человека одновременно, а душ и туалет были на этаже. Зато – 3 доллара за сутки. Где еще найдешь такую цену? Соседи мне попались неприветливые. Латиносы. Между собой они были знакомы. А со мной знакомиться не желали. Из вещей у меня была с собой одна только сумка через плечо, купленная несколько месяцев назад в секонд-хэнде, а в ней смена белья и зубная щетка.

Когда я поглядел на себя в мутное зеркало над железным рукомойником, то убедился, что выгляжу очень сомнительным типом – с трехдневной щетиной и взъерошенными волосами. Принялся приглаживать их, намочив ладони водой из-под крана. Вода оказалось желтой. Над зеркалом пробежал здоровенный черный таракан. Я подумал, что на такое дно еще никогда не опускался. И дал себе слово – если удастся договориться с этими незнакомыми серьезными людьми, которым Дмитро меня порекомендует, если они поверят в меня – сделать все от меня зависящее, чтобы положение мое стало совсем другим. Надо всплыть во что бы то ни стало, я должен подняться...

Я почистил зубы, прополоскал рот ржавой водой и спустился в холл, где стоял автомат – купить какой-нибудь воды, на еду я решил экономить. Мне показалось, что газировка в автомате дорогая, и я уже собирался выйти на темную улицу – поискать магазин, а лучше – супермаркет – где воду можно купить намного дешевле, но меня остановил окриком сотрудник отеля. Он начал что-то быстро лопотать. Я прервал поток непонятной речи фразой: «Сорри. Май инглиш нот велл. Плиз, нот сач фаст». Он стал говорить со мной, как с дебилом, почти по слогам, и очень медленно. Зато я его понял. Он пытался предупредить меня, что в этом районе в этот час белому парню шляться по улицам опасно. И лучше мне этого не делать. Сам он тоже был белым, поэтому его заботу о собрате по расе я оценил. С другой стороны, как можно ограбить человека, у которого почти ничего нет? Поэтому я беспечно сказал: «Ноу ворриз. Сенкс ю, гай. Ай эм фром Рашша» (это должно было объяснить мою смелость) и направился искать супермаркет. Довольно опрометчивый поступок.

На углу я столкнулся с чернокожими подростками, они стали резко мне что-то кричать, а потом направились за мной всей толпой явно с агрессивными намерениями. По счастью, мимо проехала патрульная машина. Коротко посигналила сиреной. «Вжиу-вжиу-вжиу». Подростки остановились. А я ускорил шаг.

Чем дальше я шел, тем больше понимал, что супермаркет не найду. И моя вечерняя прогулка показалась мне настоящей глупостью. Потянулись промышленные здания. Кирпичные заборы, расписанные граффити. Пустыри, забранные сеткой. Короче говоря, я забрел в самую глухомань яблочного гетто. Впереди забрезжил смутный огонек. Затем зазвучала музыка. Местная шпана разожгла костер прямо посреди улицы и слушала рэп. В Москве такое даже представить было невозможно. Не город, а джунгли, населенные дикарями.

Из подворотни вдруг вынырнула машина, зло сверкнула фарами. Я испуганно прижался к стене. Но она промчалась мимо. Только брызги взметнулись из расплескавшейся черной лужи. Затем случилось нечто совсем неожиданное. Угольки задних габаритов поравнялись с костром. Послышались одиночные выстрелы. А потом беспорядочная пальба. От костра враспынную метнулись тени. Я ясно видел, как одна из них упала. Разбегались любители рэпа и ночных гулянок в панике.

Я решил тоже убираться как можно скорее. Побежал назад и забился в щель между полуразрушенными, но жилыми домами. Там было метра полтора пространства, зачем-то оставленного строителями. Под ногами валялся разнообразный мусор: пластиковые бутылки, пакеты,

тряпье... Тут я едва не закричал – в темноте наткнулся на два желтоватых пятна. И через секунду понял, что это – белки глаз на черном лице. Хорошо, что я отлично видел даже в самом глубоком мраке. Есть у меня такое свойство. К лицу прилагалось тощее тельце в грязной одежде. Оно держалось за ручку тележки, украденной из супермаркета, и с волнением наблюдало за мной.

«Ага, значит супермаркет здесь все-таки где-то есть», – мелькнула мысль.

На улице еще пару раз бабахнуло, взвизгнули шины, и все затихло. Мимо нашего укрытия с топотом пробежало несколько человек. К нам, к счастью, никто не заглянул.

Существо продолжало взирать на меня с опаской. Я понял, что оно не страшное, а скорее – жалкое. На голове – зимняя бейсболка с ушами, хотя стояло жаркое лето. А на руках перчатки с обрезанными пальцами. Наверное, оно мерзло. Что было странно – в такую-то жару.

– Ху ю мэ-эн? – проговорило оно.

«Ругается?» – мелькнуло. Я одернул себя – спрашивает на своем наречии, кто я.

– Ай эм Степан.

– Стэп Ан... Вай а-а ю хиа? – лицо отразило обеспокоенность.

Я с трудом понял, что он спрашивает, почему я здесь. Наверное, белому тусоваться по ночам в этом районе не стоило. Я в то время еще не знал их местные порядки.

– Ай эм фром Рашша, – сказал я, как будто это могло что-нибудь объяснить.

– Оу, йе, окей, – ответило оно, как мне показалось – с пониманием. Наклонилось, схватило банку из-под пива и кинуло в тележку. Там у него (или у нее?) уже полно было банок и каких-то железок.

Интересно, кто это – мужик или баба – в темноте не разберешь?.. И по хриплому голосу непонятно. Судя по фигуре, либо тощая баба, либо тощий мужик. Неопределенная фигура. Без выпуклостей и изгибов. И что я с этим недоразумением только разговариваю?!

Я помахал ему рукой – попрощался, развернулся и аккуратно пошел, стараясь не споткнуться, обратно по проходу между домами. Я собирался выйти на улицу и («к черту супермаркет, попью ржавой воды из-под крана») вернуться в хостел. Там, по крайней мере, безопасно. А то, по моим ощущениям, я попал в горячую точку. Очень напоминало. Полуразрушенный город – словно после бомбежки. Ну, не совсем, конечно. Такой небольшой бомбежки, аккуратненькой, даже ласковой, можно сказать. И солдаты армии победителей, раскатав врага, теперь катаются на трофейных тачках и отстреливают попрятавшихся воинов раздавленного противника – тех, кто еще уцелел... Добраться до улицы мне было не суждено. В глазах вдруг полыхнуло. И сознание выключилось...

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я очнулся. Я лежал лицом вниз, уткнувшись в вонючее тряпье. Пульсировала от боли голова. Что это было?! Тут же я сообразил, что казавшееся безобидным мерзкое существо, должно быть, подкралось ко мне – и ударило железкой по голове. В тележке их было много. Неужели оно собирает эти железяки, чтобы бить белых людей по головам? Особенно, если они лохи из России...

Тут я понял, что джинсовой куртки на мне нет... И рубашки тоже... И сумка с паспортом исчезла... И штаны... Мать твою!.. И черные мокасины под змеиную кожу, которыми я так гордился... Эта мразь оставила мне только трусы и носки. Хоть за это спасибо. Я с трудом поднялся, голова закружилась, схватился за стену. Приплыли. Похоже, у меня сотрясение мозга. Тут я разглядел, что в темноте что-то белеет. Присел на корточки. И обрадовался не на шутку. Перочинный ножик. Он выбросил его. Сумка тоже нашлась неподалеку. Вывернутая наизнанку. Ни денег, ни паспорта.

«Классная ситуация, – подумал я. – Раньше я считал, что упал на самое дно, но на дне постучали снизу. Оказалось, можно вляпаться в еще большее дерьмо. Докатился ты Стэп Ан фром Рашша. Но неужели я и вправду такой лох?.. Блядская страна Америка!

Тут мне натурально поплохело, и я, опершись на стену, принялся блевать. Немного полегчало. Пошатываясь, я выбрался на улицу и огляделся. Костра больше видно не было. Музыка тоже не звучала. Вокруг было пусто. Мертвый город. И человек в трусах-боксерах, черных носках и с ножиком в сумке через плечо на голое тело. Картина маслом.

Я печально побрел к гостинице, размышляя, что, екарный бабай, приехать в Америку – было большой ошибкой. Надо было эмигрировать в Канаду. Или в Австралию. Неприятности либо не случаются вовсе, либо приходят все сразу. И конечно, вскоре я встретил тех самых черных подростков, которые кричали мне что-то нелицеприятное. Они окружили меня толпой, и принялись снова выкрикивать непонятные слова. При этом один из них, здоровенный, с толстыми губами, все время тыкал меня указательным пальцем в плечо. Пребольно, надо сказать. А я только ежился, растерянно на них глядя. Потом кто-то из них назвал меня белым коксакером (то есть членососом, по-нашему), и ребятишки начали радостно ржать. Тут меня стала разбирать злоба. Пока они просто ругались, меня это почти не задевало. Но когда начали смеяться надо мной, я рассердился не на шутку. Я не долго думал, что сказать им в ответ – словарь американских ругательств у меня был беден, как у преподавателя английского из совковой школы. Поэтому я рявкнул:

– Факинг ниггерс!

Над ночным районом повисла гробовая тишина. Такая глубокая, что я услышал, как в соседнем доме сливает воду бачок унитаза. В ту же секунду я получил по лицу. Но не упал. Если бы упал, они сразу забили бы меня ногами. Словно игрок в американский футбол, я сделал рывок, отчаянный и сильный прыжок – и прорвался через толпу. Я побежал, и «факинг ниггерс» устремились за мной. В прошлый раз полицейская машина приехала очень кстати. Но теперь, как назло, копов не было видно. Наверное, отправились выпить американского кофейку и перекусить в любимую забегаловку – «ночная смена так утомляет». Все это я думал, пока бежал. В спину мне летели ругательства, не слишком задевая, потому что я все равно их не понимал, и куски асфальта – что было уже серьезнее.

Так мы добежали до вшивой гостиницы, где я остановился. Я счастливо выдохнул, дернул дверь... и сердце упало... заперто! Ребятишки тут же оказались рядом. Снова окружили меня и стали методично избивать. Сначала я как-то умудрялся отмахиваться и уворачиваться, все-таки я занимался боксом, будучи подростком, но потом пропустил пару ударов в голову и один, сильный, с ноги в живот. И сразу понял, что дело плохо. Могут и насмерть забить. Или так покалечат, что лицо снова придется восстанавливать в больнице. Что со мной однажды уже было. А я, ко всему прочему, в стране, где даже в благотворительной больнице лечат за деньги (тебе еще придется доказать, что ты достоин благотворительности). И вообще, если ты человек без медицинской страховки, то лучше не кричать посреди «черного» района «факинг ниггерс».

Рефлексы не умерли. Удар я держал стойко. И даже сам провел пару хуков и крюков. Один мальчонка, чья челюсть с хрустом ушла в сторону, визгливо вскрикнул. Доставил радость русскому человеку. Хорошо, что спину мне прикрывали зарешетчатые двери хостела. Только теперь стало понятно, зачем им железная решетка на двери. А как иначе – когда по улицам бродит озверелый энергичный молодняк. Каким-то чудом я достал из сумки нож, открыл его и стал им беспорядочно тыкать. Ниггеры стали ругаться громче – раньше они просто сопели, осыпая меня ударами...

Драка прекратилась в одну секунду. Гроыхнул выстрел. И стая отхлынула. На пороге маленькой оружейной лавки, куда я заходил днем, стоял ее пожилой владелец. В руках он держал двустольное ружье.

– Вы чего творите? – заорал он им по-английски. Так я, во всяком случае, его перевел. – Совсем охренели, малолетние ублюдки. – Мне очень хотелось, чтобы он говорил им именно это. – Да я вас сейчас всех постреляю к чертям собачьим за этого милого белого парня, который сегодня заходил ко мне в магазин и купил ножик, который лежал у меня на прилавке восемь

гребаных лет, и я уже не надеялся избавиться от него никогда... Теперь я готов защищать его даже ценой собственной жизни. Он – мой лучший покупатель, мать вашу. – В общем, не знаю, что он им на самом деле говорил, но говорил он долго, причем – упоминал «маму». Видимо, интересовался, знают ли их жирные негритянские мамы, чем они занимаются в столь поздний час.

Маленькие ублюдки сначала молчали. Потом начали ворчать на старика. Но тот снова возвысил голос и пошел уже вещать, как какой-нибудь американский пастор со сцены, патетично выкрикивая слова. Мне показалось, он втирает им что-то о том, что такое поведение недостойно черного человека. Что настоящий черный так не поступает. – Указал на меня, ткнув дулами ружья, так что я едва не отпрыгнул. И продолжил свою речугу. – Мол, посмотрите на этого жалкого белого. Он наверняка не знал, куда забрался. А если бы знал, никогда бы здесь не оказался...

Я бы слушал проповедника с ружьем бесконечно, но тут заметил звонок рядом с решеткой – надо же было на черной стене сделать черную кнопку звонка – и тут же нажал на него.

Через минуту – показавшуюся мне куда длиннее обычной – дверь открыл паренек, который пытался предупредить, что ходить по улицам в этот час опасно. Зря я его не послушался. При виде меня, избитого, окровавленного и с ножом в руке – я поспешно кинул его в сумку – у него так расширились глаза, будто он встретил давно почившего дядюшку. Я не дал ему опомниться, втолкнул внутрь, и захлопнул за нами дверь. В нее тут же ударила волна подросткового насилия. Но я уже защелкнул замок, и был в безопасности.

– Бла-бла-бла-бла-бла, – сказал сотрудник гостиницы, – бла-бла-бла-бла полис...

Последнее слово я отлично понял.

– Ноу. Ноу полис. Зетс ол райт. – Сказал я. – Ай эм окей.

Он даже рот открыл.

– Бат...

– Ай эм вери вери окей, – перебил я его. – Ноу проблем. Итс вос вери фани эксидент. Ай эм хэппи фо зет. Нау ай эм гоинг ту слип ин май рум.

– Бат йо клоуза...

– Одежду сперли, – печально сказал я уже по-русски. – Это да. И документы. Пиздец, конечно, друг. – Я положил ему руку на плечо. – Полный и окончательный пиздец. Но я лучше подумаю об этом утром.

– Ай донт андестенд... – Он развел руками, как бы говоря – не понимаю...

– И не поймешь, – я потрогал разбитую губу, сплюнул на пол сгусток крови. – Ты лучше скажи, у тебя попить есть? Ду ю хэв э дринк самфинг фор ми, май фрэнд?

Он засуетился, убежал в комнатку за стойкой, вернулся с двухлитровой бутылкой воды. Всучил ее мне. Я тут же отвернул крышку и жадно принялся пить.

Маленькие ниггеры не успокаивались, продолжали колотить в дверь ногами и кулаками.

– Сорри, мен, бат ай маст колл ту полис, – сказал «май фрэнд» очень серьезно.

– Херово, – ответил я, осознав, что без полиции не обойдется. – Ну давай, вызывай, раз надо...

Честное слово, когда они приехали, от них за версту разило кофе. Меня они разглядывали с подозрением. Что это за мудака такой, читалось в их взглядах, что пошел гулять по Южному Бронксу ночью? Удивительный какой мудака!

Я сидел в гостиничном кресле, с распухшей мордой, в одних трусах и носках и улыбался. Почему-то мне стало смешно. Не знаю, может это была истерика. Но я стал смеяться.

– Ну пиздец, – сказал я полицейским, которые меня вообще не понимали, – полный окончательный пиздец.

И вдруг один из них на чистом русском спросил:

– Чего случилось-то?

– А-а-а, – закричал я, радуясь, что сука-удача, продажная девка, похоже, решила ко мне вернуться. – Так ты русский?!

– Татарин. Я вас завоевал. А потом свалил от вас, потому что у вас оказался гребаный бардак. А мы, татары, бардак не любим.

– Русский, – сказал я, широко улыбаясь. Его чувство юмора сразу расположило меня к этому парню.

Напарник у него был черным. И угрюмым. Он что-то спросил у «русского». Тот ответил. Чернокожий кивнул.

– Я пояснил Фрэнку, что мы с тобой из одной кантри, и будет проще, если я с тобой поговорю...

– Хорошо, – я кивнул с готовностью. К этому копу-татарину из России, хоть он нашу страну и недолюбливал, я проникся доверием с первой же минуты. Было в нем что-то от доброго сказочного богатыря. Хоть и татарин, а походил он на Добрыню Никитича.

– Итак, как ты себя чувствуешь?

– Хреново.

– Стоп. Если тебе совсем хреново, то поехали в госпитал. Там тебя обследуют...

– Нет, ну не настолько хреново. По морде огреб просто.

– А вдруг у тебя внутреннее кровотечение? – с сомнением сказал он. – В госпитал все равно придется поехать. Ты давай, собирайся...

– Да я, собственно, уже собран.

– Не понял. У тебя вещей больше никаких нет?!

– У меня украли все вещи, – радостно заявил я. – И паспорт украли.

– А водительские права?

– А прав у меня и не было.

Тут полисмен посмотрел на меня с нехорошим интересом, и я понял, что сморозил что-то не то.

– Не привез с собой. А здесь не успел получить.

– Понятно. Давно из Союза?

– Недавно. Месяц, может.

– То-то я смотрю. Так тебя, значит, ограбили? Украли все документы? Раздели? Избили?

Так?

– Ну да.

– Изнасиловали?

– Что?

– Я спрашиваю – изнасиловали?

– Нет, конечно.

– Всякое бывает... – Я решил, что Виктор так шутит. Наверное. – Ну поехали в офис. – сказал он.

– А как же госпитал?

– Да я подумал тут... у нас там врач есть, осмотрит тебя... Ты, вроде, в норме. У тебя же медикэ́йр отсутствует, я так понимаю?

– Угу, – горестно подтвердил я.

– Всё с тобой понятно. А в Штаты ты как приехал?

Я смекнул, что дело принимает нехороший оборот.

– Извини, тебя как зовут?

– Виктор.

– А я Степан. Степа. – Руку я ему протягивать не стал. Не был уверен, что он ее пожмет. Он же не знает, с кем имеет дело – может, я закоренелый преступник, какой-нибудь киллер русской мафии. – Слушай, Виктор, мне действительно очень, очень нужна помощь. Видишь,

в какой жопе я оказался. Ты, когда по-русски со мной заговорил, я сразу понял, что все будет хорошо. Ведь мы же русские люди, ну то есть соотечественники, должны помогать друг другу.

– Лиссен ту ми, друг, – Виктор поморщился, – это в Совке все друг за дружку. А здесь каждый сам за себя. Живет, как может. Понял? И на вопрос ответь. Желательно, честно. И быстро. Ты в Штаты по какой визе приехал?

– По туристической.

– И когда она у тебя заканчивается?

– Закончилась уже.

Виктор помрачнел.

– Ну чего... ты, друг, извини, но мне придется вызвать айсов. Ничего личного. Работа такая.

– Ты меня неправильно понял. У меня есть адвокат. И я уже был в иммиграционной тюрьме. Но оттуда меня вытащили. За залог по поручительству. И теперь я жду суда.

– Как зовут адвоката?

– Иосиф Хейфец.

– Координаты его есть? Телефон, чтобы позвонить – подтвердить твою личность?

– Я визитку в паспорт вложил. А паспорт украли.

– Понятно. Ну, тогда поехали в офис. Там пробьем по базе твоего адвоката. Он из Большого Яблока?

– Да, конечно, он местный.

– Тогда найдем его. По-о-однимем среди ночи... – пропел Виктор. – Эх, люблю я будить адвокатов. Фрэнк, – обратился он коллеге. – Вот ду ю финк эбоут лоерс?

– I hate them, – ответил Фрэнк и отвернулся. Виктор засмеялся. – Ладно, не парься, как говорят в Союзе, соотечественник. Мы хоть и со сложным характером, но правильные копы. Поможем тебе, чем сможем. Да, Фрэнк?

– Йэ, – пробасил негр.

Я просиял.

Вскоре я уже сидел в полицейской машине, на заднем сиденье – за решеткой. Но разговаривать это не мешало.

– Так кто, ты говоришь, тебя ограбил? – спросил Виктор.

– Какой-то странный тип. То ли баба, то ли мужик. Лето, а он в шапке. Бейсболка. С ушами. И в перчатках без пальцев. Черный, само собой. Белки глаз у него такие желтые еще. Как будто он болеет чем-то. Хилый. Весит килограммов сорок. Будто из концлагеря.

– Такой болезный, и такого нормального русского мужика грабанул?

– Так уж получилось... Я отвернулся. Он меня по голове ударил чем-то тяжелым.

– Голова не болит? Все хорошо помнишь?

– Да, вроде, прошла.

– Наверное, этот хилый катил тележку, набитую банками и всяким хламом?

– Точно! – вскричал я, пораженный до глубины души.

– Ну, все понятно. Знаю я этого типа. Это наркоша один. Наш стукач. Обычно он такими делами не балуется. Но, видно, не хотел случай упускать. Очень ты ему понравился.

Виктор замолчал...

– Вы прямо, как из «Смертельного оружия», парни, – сказал я через некоторое время.

– Мэл Гибсон? – отозвался Виктор. – Я думал, что больше похож на Эрика Робертса. Знаешь Эрика Робертса?

– Лично нет. Но я читал, что он плохо обращался с сестрой.

– Очень плохо. Проигрывал ее в карты. Но это все селебрити-слухи, мэн. Лично я в это не верю. Пиар. Понимаешь?

– Пи-ар? – переспросил я.

Слово «пиар» тогда еще было не в ходу в России.

– Сразу видно, что в Штатах ты недавно. А я тринадцать лет. Ты бы хотел, чтобы у тебя была репутация парня, который проигрывал свою сестру в карты?

– Нет, конечно.

– Вот видишь. А Эрик Робертс хочет. Это называется пиар. Он кажется плохим. У него харизма отъявленного негодяя и преступника, и ему дают хорошие роли. Так это все работает.

Виктор принялся рассуждать о киношниках, что все они – люди со странностями, что он раньше жил в Лос-Анжелесе (так он называл этот город), так там нормального человека не встретишь. Каждая официантка, каждый парикмахер, любой бездомный на улице – все актеры.

– Человек снялся в эпизоде в картине «Жирные ляжки-5», а гонору, как будто он сам Мэл Гибсон. Хотя Гибсон, говорят, парень неплохой... Во всяком случае, про него не рассказывают, что он проигрывал свою сестру в карты. Католик. Пятеро или шестеро детей. Точно не скажу. Живет на своей ферме в Австралии. Выращивает кукурузу. Уважаю его за это. А эти, в Голливуде...

– А ты в полиции Бронкса один русский? – спросил я, чтобы поддержать беседу.

– Татарин, – поправил Виктор. – Да есть там у нас еще одна. Тоже русская, – он хмыкнул. – Мы с ней, правда, не разговариваем третий день. С тех пор как эта сучка на меня выплеснула суп.

– Что сделала?

– Супом горячим плеснула в столовой. Она у нас немножко не в себе. Феминист. Считает, что все мужики шовинисты и ущемляют ее права. А еще подозревает нас в секшувал харразмент. Поэтому ее все обходят стороной.

– В чем подозревает?

– Ну ты совсем отсталый... Секшувал харразмент. Это домогательства. Когда мужик намекает на секс. Делает дёрты, очень дёрты, грязные, намёки. Уразумел?

– И что тут такого?

– За это можно хорошо огрести. И одним штрафом не отделаешься.

– А как же с женщинами заигрывать? Чтобы они поняли, что ты в них заинтересован?

– А никак. Потому что они любой намек могут расценить, как секшувал харразмент. Вот ты ей говоришь, к примеру, комплимент. «Ты сегодня отлично выглядишь, Кейт». А потом тебя вызывает капитан. «Ну что, извращенец, ты почему клеишься к Кейт Лобкофф?» Ты такой: «Я?! Капитан, да я ни сном, ни духом... Да она мне даже не нравится». А он ничего слушать не хочет. Вот ее рапорт. Я пока попридержу его. Но если это снова повторится...

По тому, как Виктор в красках описывал эту сцену, я понял, что она происходила на самом деле, и подивился, как в Америке странно обстоит дело с общением между полами.

– Зато она тебе может сказать что угодно. «Отлично у тебя, Виктор, сегодня член из брюк выпирает. Пойдем трахаться сегодня вечером». И это нормально. Хотя можно, конечно, тоже на нее рапорт накатать. Но ты ведь мужик. Такое делать – запаadlo. Да и другие копы не поймут. Даже Фрэнк, и тот не поймет, хоть он и не совсем мужик. Да, Фрэнк?

– Йэ.

Парочка, конечно, была колоритная. Мне понравилось кататься с Фрэнком и Виктором по району, только я не понимал, почему мы никак не приедем. Не может же участок находиться черт знает где. У меня сложилось впечатление, что мы ездим по кругу. Ну да, вот этот белый обшарпанный дом с покосившейся вывеской мы точно проезжали.

– А куда мы едем? – спросил я.

– Ты же просил тебе помочь... Вот, помогаю по мере сил. Расслабься. Это мой район...

– Ясно. – Я решил довериться Виктору. Он производил впечатление человека, который знает, что делает.

– Меня поначалу хотели с Кейт в смену ставить. Прикинь? После такого-то. Но я – ни в какую. Капитан раскричался. А он у нас суровый малый. Хули ты, говорит, права качаешь? Если надо будет, ты даже с Фрэнком будешь ездить. – Виктор кивнул на своего напарника. – С Фрэнком же никто не хотел работать. А я говорю, окей – давайте я буду с Фрэнком, мне, в принципе, по хрену. Все лучше, чем с Кэйт.

– А чем Фрэнк всем не угодил? Тяжелый характер? – Я подумал, что за все время, пока мы общались, чернокожий коп даже ни разу не улыбнулся. Хотя американцы обычно источают радость жизни по поводу и без, оскаливая хорошо отбеленную пасть. И говорил редко – отрывистыми предложениями.

– А он – педик, – сказал Виктор. – В смысле – гей.

– Педик? В полиции?

– Ну и что. Это в России все скрывают ориентэйшн. Хотя наверняка их везде полно. А Америка – свободная страна. Тут каждый живет, как хочет. У нас тут весь шоу-бизнес – сплошные геи, киношники тоже, артисты всякие, парикмахеры, стилисты, дизайнеры, даже политики – иногда прямо заявляют – люблю, мол, мужикам впердолить по самые гланды. И ничего, работают потом... Я их в Лос-Анжелесе посмотрелся. Некоторые даже не геи, но за то, чтобы в кино сняться, готовы продюсеру отсосать... Но Фрэнк, конечно, скрывал поначалу. Но потом как-то так получилось, что все всё равно всё узнали. Сначала слушок прошел. А потом парочка наших ездила по делу в гей-бар. Там у них рейд был, облава, одного дилера брали. А у Фрэнка как раз выходной был. Они его там и застали. В коже. Фуражке. И с каким-то пидором в обнимку. Фрэнк, – обратился Виктор к напарнику и перешел на английский: – Я рассказываю Степану, что ты гей. Ничего?

Фрэнк безразлично пожал плечами – мол, мне все равно.

– Интересно, – сказал я. – Никогда бы не подумал.

– Так он эктив. Был бы пэссив, сразу было бы заметно. А так – Фрэнк совсем, как мужик. Качается. На стрельбах один из лучших. Нормативы у него даже лучше, чем у меня.

– Целоваться не лез?

– Чего-о-о?! – взревел Виктор. – Ты свои шуточки брось. А то я помогать тебе быстро брошу. Даже адвоката твоего искать не буду. Засажу тебя в твоём голожопом виде в камеру, и будешь там сидеть до выяснения личности.

– Да это же шутка была, – испугался я.

– Шутник, значит... Так, стоп, здесь. Фрэнки, парк хиа, плиз. Вот тут этот маза факер живет. В принципе, должен быть дома. А если он дома, тебе крупно повезло...

– Спасибо!

– Погоди, рано благодарить.

Виктор вылез из машины, взял наперевес резиновую дубинку с боковой ручкой и направился к ближайшему дому, такого убого вида, что даже входную дверь кто-то снял и утащил. А может, ее изначально не стали ставить... Не заходя внутрь, Виктор постучал дубинкой по дверному косяку. Что-то прокричал по-английски... Оглянулся. Фрэнк тоже выбрался наружу, и спокойно наблюдал за напарником. Я сидел в салоне, припав к стеклу.

Наверное, из-за зажатой в руке дубинки казалось, что Виктор сильно рискует. Из-за меня, между прочим. Хороший все же парень! Решил мне помочь, хоть и видит меня в первый раз. Впрочем, это его работа – помогать тем, кто попал в неприятности. Он же коп. Что это я расчувствовался?

Он еще раз стукнул по косяку и скрылся внутри дома. Через несколько минут появился. Сел в машину. И сказал:

– Никого живого. Не повезло.

– А он так и живет без двери? Заходи, кто хочешь? Бери, что хочешь?

– Там внутри вонючий притон. Желаеть посмотреть, приобщиться? Наркоши валяются в собственной блевотине и ссанье. Зрелище незабываемое.

– Спасибо, я, пожалуй, обойдусь.

– Ну и правильно... Фрэнк, – крикнул Виктор. – Летс го. Поехали на базу.

«База» оказалась в двух шагах. Причем, участок выглядел самым приличным зданием в этом убитом «войной» районе.

– Здесь у нас ремонт вечный, ты не обращай внимания, муниципалитет на нас экономит, – сказал Виктор, когда мы зашли внутрь, поскользнулся на строительном валике и с грохотом рухнул на колени: Брэинвошт потсмокер коксакерс! – вскричал он.

– Это ты что сейчас сказал? – заинтересовался я.

– Набор идиоматических английских выражений, – ответил Виктор, поднимаясь и отряхивая форменные брюки, – тебе все равно не пригодится. Даже не думай, что я буду тебя учить американской брани. А то ты шутник, как я погляжу. Еще скажешь судье, когда он примет решение выдворять тебя из страны, что-нибудь эдакое. И тебя обязательно спросят: «Кто naucил? И зачем?» Придется сказать, Виктор, коп из Южного Бронкса...

Я улыбнулся.

– Ладно, не говори. Со временем сам узнаю.

– Это конечно. Это обязательно.

Полицейские поздоровались с дежурным, на меня он глянул устало через очки. И мы проследовали в главное помещение. Обширный зал, опенспейс-офис – по-американски. Здесь стояли столы, разделенные стеклянными перегородками. А на столах лежали папки, бумаги, стояли допотопные черные телефонные аппараты с дисковым набором номера. По стенам были развешаны карты в разноцветных пометках флажков и фотографии.

– Это все преступники? – спросил я, указывая на стену.

– Нет, родные и близкие тех, кто здесь работает.

– Шутишь?

– А ты зачем спрашиваешь?.. Сам не видишь, какие рожи. Вот этого, кстати, встретишь, – он ткнул пальцем в одну из фотографий, – сразу беги... Самый опасный отморозок на весь Южный блок. Действует в одиночку. Знаешь, чем занимается. Грабит наркотики. Другого бы уже нашли с перерезанной глоткой где-нибудь в сточной канаве. А этот жив-живехонек и изредка разгуливает по улицам. Кличка – Диггер. Зовут Леонард. Короче, Леонард Диггер. Не путать с Леонардом Коэном.

Слово «диггер» я знал.

– Копальщик?

– Какой еще копальщик? Могильщик. Неправильная у него кликуха. Потому что на самом деле никого он не хоронит. Бросает там, где пристрелил. А мы потом трупы за ним собираем.

Я некоторое время вглядывался в чернокожую физиономию. Парень как парень. Только нижняя челюсть слишком тяжелая и глаза навывкате. Нос пуговицей.

Из-за стола поднялась миловидная блондинка. Она, похоже, была в помещении совсем одна. Оно и понятно – ночь. Только патрульные, дежурный, остальные – спят мертвым сном.

– Кейт, – сказал Виктор по-русски, – я, конечно, с тобой не разговариваю, но мы тут привезли парня. Его сильно избили, раздели, и надо бы его осмотреть.

– Конечно, – ответила Кейт и направилась к нам.

– Она что, доктор? Она же коп? – удивился я.

– Она училась на доктора, – раздраженно ответил Виктор. – У нее диплом медсестры. И навыки есть. И вообще, что ты задаешь столько вопросов? Расслабься – и получай удовольствие.

Блондинка подошла ко мне, сначала тщательно осмотрела все ссадины и ушибы, бесцеремненно повернула, взяв за плечо, затем развернула обратно, нажала на живот в области печени.

– Здесь болит?

– Нет, вроде.

– А здесь? – она нажала чуть правее.

– И здесь нет.

– Что, вообще нигде не болит? – удивилась она.

– Наоборот, болит везде. Они меня толпой били...

– Это понятно.

«Откуда «это ей понятно?» – подумал я. Но вслух сказал:

– Кстати, вы отлично выглядите. Меня Степан зовут.

– Тш-ш-ш, – зашипел Виктор, как пробитое колесо, и замер, ожидая реакции девушки.

Но та оставалась спокойной.

– Спасибо, – сказала она и посмотрела мне прямо в глаза. – Вы мочились с тех пор, как это произошло?

– Нет.

– Пойдите помочитесь. Если в моче будет кровь, скажете. Туалет за углом.

– Хорошо, – я ушел. И услышал, как за спиной начали о чем-то свирепо переговариваться Кейт и Виктор. Все-таки у них были сложные, запутанные отношения. Фрэнк при этом в разговор не вступал. Мне показалось, что Кейт несколько раз повторила, что она не доктор. Но Виктор убеждал ее, что это неважно, потому что «хи ис ол райт». Веселенькое дельце!

Но с другой стороны, представим, что Виктор привез бы меня в госпиталь. И там меня осмотрели, сказали, что все в порядке, и выписали счет. А я и так должен столько, что хоть вешайся. Кто придумал эту идиотскую поговорку: «В долгах, как в шелках?» Правильнее было бы говорить: «В долгах, как в гробу».

Я помочился. Цвет мочи меня вполне устроил. Обыкновенный цвет. Крови не было.

Тут из кабинки раздалось кряхтение, и через секунду громкий звук «пр-р-р-р-р». Плеск воды. И за ним вздох облегчения. Зажимая нос, я выбежал из туалета.

– Ну как моча? – спросила Кейт.

– Все в норме! – отчитался я.

– Я же говорил, – сказал Виктор. Девушка бросила на него убийственный взгляд – словно говоривший: ну ты и ничтожество. Не хотел бы я заслужить такой же. Тем более, что Кейт мне понравилась. Я вообще всегда любил миниатюрных блондинок с аккуратным носиком. К тому же, женщины у меня не было очень давно. В иммиграционной тюрьме я даже стал поглядывать на крупнозадых латиноамериканок, размышляя, не присунуть ли мне по случаю одной из них. Но потом передумал. Еще поймаешь какую-нибудь заразу. А тюрьма не то место – где приятно лечить венерические заболевания. Хотя процесс их заполучения наверняка приятный.

– Он так и будет голым? – спросила Кейт. – Где его одежда?

«Заботливая, – подумал я с нежностью, – даже не скажешь, что фЕминист. Похоже, Виктор на нее наговаривает».

– Нету одежды, – отрезал он. Почесал подбородок. – Ладно, это решаемо. Сейчас схожу на склад.

Он ушел, и я продолжил дёрти секшувал харразмент с Кейт.

– Говорят, ты фЕминист, – сказал я.

– Кто говорит?.. А – этот. Сам он фЕминист. Я просто не люблю, когда лапают, не спросив.

– А он тебя лапал?

– Лапал... Не твое дело, вообще. – Спихватилась Кейт. – Ты кто такой? Почему я с тобой говорю по-русски?

– Потому что ты русская, я русский, вот и по-русски, – нашелся я.

– Я не русская, – рявкнула Кейт.

«Вот те на, – подумал я. – Ни одного русского, одни татары. Не управление полиции – а Золотая орда».

– Ай эм джувиш, – гордо сказала Кейт.

– Кто? Кто? – переспросил я. – Это что за национальность такая?

– Я иудейка, – пояснила она. – Моя мама еврейка. Поэтому мы и уехали из Советского Союза, как только стало возможно. Нас там всячески притесняли.

– Не знал, что евреев у нас притесняют, – сказал я, вспомнив одного еврея-бизнесмена, с которым познакомился в ресторане, когда жил на широкую ногу, делая бизнес под покровительством дяди Дато. Тот сорил деньгами и хвастался, что может себе позволить купить все – даже яхту и самолет, если захочет...

Кейт стала раздраженной.

– Может, ты не любишь евреев? – спросила она с вызовом.

– Почему же. Очень люблю. Особенно таких симпатичных.

Кейт поморщилась.

– Если тебе неприятно, когда я говорю, что ты красивая, я могу больше этого не делать, – поспешно сказал я.

– Да говори, что хочешь, – она изобразила безразличие.

Виктор вернулся с комплектом полицейской формы.

– Старой не было, – сказал он озадаченно, – пришлось взять новую. Кэп будет в ярости, когда узнает.

Я стал поспешно облачаться в полицейскую униформу. Она пришлось мне точно в пору. Как будто шили по мерке.

– Вылитый коп, – одобрил Виктор.

– Спасибо тебе, – я едва его не обнял от полноты чувств. Вдруг ощутил, как приятно быть одетым.

– Да ладно... – Он махнул рукой. – Ты лучше молись, чтобы мы нашли в базе твоего адвоката. Потому что если мы его не найдем, пойдешь в камеру прямо в таком виде. Тебя там примут хорошо. У нас там ласковые ребята сидят.

– Я клянусь, все, что я говорил, правда.

– Дай-то бог.

– Пойду кофе налью, – сказала Кейт и ненароком бросила. – Кстати, Ричард здесь...

– Как здесь?! – переполошился Виктор. – Да что за ночь такая?! Никто не хочет спать! Ты здесь! Капитан здесь! Он-то, что забыл в участке в, – он глянул на наручные часы, – в пять о клон? О, май год!

– Не знаю, – ответила девушка, улыбаясь, – я-то отчет пишу. А вот ты... Взял новенькую форму со склада – и подарил ее своему другу.

– Мы не друзья! – отрезал Виктор.

– Значит, партнеры, – съязвила Кейт. – Никогда не видела, чтобы ты о ком-то так заботился...

– Иди уже куда шла! – рявкнул Виктор.

Из коридора вдруг появился человек в штатском с красным усталым лицом. Он двигался, словно никого не замечая. И придерживал живот. Я понял, что это он мучился в туалете.

Виктор вытянулся во фронт, Фрэнк вскочил со стола, за которым сидел. Только Кейт, посмеиваясь, ушла вглубь помещения, где ее не было видно.

Грузный человек с красным лицом остановился, обвел нас сердитым взглядом.

– Какого хрена вас принесло? Привезли, что ли, кого-то? Вы должны быть на улицах, мать вашу. Там черти что происходит каждую гребаную минуту, – сказал он по-английски. Правда, состояла его речь почти сплошь из одного слова «fuck», которым он подменял и глаголы и существительные, и даже междометия. Я порадовался, что так отлично его понял. То ли мой английский становился все лучше и лучше. То ли обилие слова «fuck» делало этот язык простым и предельно ясным. Тут он устался на меня.

– Ху а ю? Вот зе фак?.. – Он вопросительно уставился на Фрэнка. И спросил его грубо: – Это что, твой дружок? Будете после смены играть в полицейских?

На месте Фрэнка я бы обиделся, но он только хмыкнул и сказал:

– Сэр, я никогда не играю в полицейских со своим дружкой, сэр.

– Ху а ю? – снова повторил он.

Виктор понял, что придется объясняться, хотя очень не хотелось. И заговорил быстро, так что почти ничего было не разобрать. Но в общих чертах – он рассказал, что парня ограбили на улице, сняли всю одежду, и вот им пришлось привезти его сюда для дальнейших разбирательств, поскольку документов у меня нет, нет даже ай-ди. А форму он взял, чтобы хоть во что-то одеть меня. Из соображений гуманизма. Холодно, сэр, – добавил он, – сейчас ночь.

Тут капитан поинтересовался, как именно меня ограбили и где. И Виктор рассказал, что я недавно приехал в страну, еще не знаю местных порядков, поэтому отправился гулять поздно ночью по Южному Бронксу.

– Крэйзи рашшенс, – сказал капитан Ричард, – сначала они хотят устроить нам ядерную войну, а потом приезжают и нервируют наших добропорядочных афроамериканцев.

– Нот ол фо зем крэйзи, – возразил Виктор и, поймав свирепый взгляд капитана, добавил, – ай эм нот рашшн. Ай эм татар.

– Это немногим лучше, – заметил кэп. И оторвал у меня нашивки. Прodelал он это быстро и умело, как будто у него был богатый опыт в такого рода делах. Силищи у толстяка Ричарда было хоть отбавляй, так что он немного перестарался – левый рукав, где находился шеврон полицейского департамента штата, он немного надорвал. – Ничего, – проворчал капитан. – Так походит. Все лучше, чем если кто-то подумает, что он настоящий коп.

– Ай эм шуа, хи из нот э бэд гай, – заступился за меня Виктор, за что заслужил еще один взгляд, исполненный злобы.

– Делайте, что должны, – распорядился капитан, медленно прошел между стеклянными перегородками в расположенный в углу кабинет и скрылся там.

Виктор многозначительно посмотрел на меня.

– Спасибо, – еще раз сказал я. – Поверь мне, я так ценю все, что ты для меня делаешь...

– Сам себя не узнаю, – посетовал Виктор, – наверное, кофе перепил. На доброту пробило.

В полицейской базе адвокат Иосиф Хэйфиц нашелся быстро. Виктор присел к столу и взялся крутить диск, набирая номер.

Иосифу позвонили прямо домой, а не в офис, подняли с постели. Он сказал, что отлично меня знает, но приехать никак не сможет. Попросил позвать меня к трубочке. Выразил мне свое искреннее сочувствие в связи с этим досадным инцидентом и попросил впредь быть аккуратнее, поскольку «ваша жизнь, Степан, для нас очень важна, быть может, даже более важна, чем для вас, я вижу, молодой человек, вы ее совсем не бережете...» Я понял, что для них важна не столько моя жизнь, сколько долги по финансовым обязательствам, но поблагодарил Иосифа за то, что он подтвердил мою личность.

– Ну все, – сказал Виктор, хлопнул в ладоши, – теперь мы знаем, что ты тот, за кого себя выдаешь. Так что ю фри нау, можешь идти на все стороны, как говорят в Совке.

– На все четыре стороны, – поправил я.

– Да хоть на все пять. Свободен.

– А как же мои документы?

– Ну, ты же видел, мы заезжали. Этого упыря дома нет. Значит, его хрен найдешь. Он может быть где угодно. Заезжай через недельку-другую. Если что-нибудь отыщется, мы тебе вернем. Но, честно говоря, я сильно в этом сомневаюсь. Очень сильно...

– Что же я буду делать без документов?

– Не знаю. А ты спроси у своего адвоката. Может, через посольство как-то можно получить русский паспорт?

– Мне в Россию нельзя. Мне нужен американский.

Виктор засмеялся.

– Все хотят в свободную Америку. Но не у всех получается здесь остаться. Надеюсь, тебе повезет, Степан. Ну, ладно, мэн, давай. – Он протянул руку, которую я крепко, от всей души, пожал.

Фрэнку я тоже кивнул на прощанье. Кэйт видно не было. Жаль. Хотелось увидеть и ее тоже. Очень мне эта джувиш девушка понравилась с первого взгляда.

Я вышел на темную улицу. После того, что случилось, отходить далеко от полицейского участка было довольно боязно. Но – на мне все же полицейская форма и ботинки, подумал я, это должно отпугнуть всякую шваль. И потом, сколько можно бояться? Пора дать им всем прикурить! Я же русский! Я покрутился немного на освещенном пяточке возле участка и вернулся. Дежурный уставился на меня непонимающе.

– Виктор, – сказал я, – ай нид ту спик виз Виктор.

– Ок-ок, – ответил он, махнул рукой.

У Виктора я попросил взаймы двадцать долларов – «только на первое время, перекантоваться».

– Ладно уж, – выдавил он с неудовольствием, и дал мне двадцать баксов. – Разбогатеешь, вернешь.

– Само собой.

Я и сам был расстроен, что приходится фактически побираться. Снова распрощавшись, я наконец покинул гостеприимный участок и направился в неизвестном направлении по улице, отметив, что уже светает. Надо бы вернуться в хостел – и выспаться как следует. Но этим утром выспаться мне было не суждено.

Через пару кварталов, возле темного парка на меня налетела какая-то американская баба лет сорока и, вереща что-то, потащила за собой.

– Да я не коп! – орал я, отбиваясь. – Ай эм нот а полисмэн. Ду ю андерстенд? Ай эм нот...

Но она ничего и слушать не хотела, скороговоркой проговаривая что-то непонятное. Мне удалось только разобрать, что кто-то приехал в ее квартиру. А она его не ждала. И что этот кто-то хулиганит, ей очень нужен полис, или этому кому-то нужен полис, а ей этот кто-то совершенно не нужен. Я выбился из сил... Как же плохо не знать язык, не уметь объясниться, сразу ощущаешь себя человеком второго сорта и полным идиотом. Но я выучу, обязательно буду говорить не хуже, чем тот же Виктор.

Я даже не могу понять логику своего поступка. Зачем я потащился за этой женщиной? Наверное, мне было ее немного жаль. Но я направился вместе с ней в ее квартиру, чтобы помочь ей – все равно дура не понимает, что я не настоящий полицейский. А еще мне хотелось доказать себе, что я мужик, и могу еще справиться с каким-то зарвавшимся хулиганом. Мы поднялись на второй этаж. Она распахнула дверь и показала на одну из комнат: «He's there»... Тут мне стало зябко, но не от холода, а от нехорошего предчувствия.

– Ху из хи? – спросил я.

Она всплеснула руками.

– My son.

– Ё сан? – удивился я.

– Yes. My son Leonard.

Тудум – стукнуло в башке – а не тот ли это Леонард, которого активно ищет полиция? Что там Виктор про него говорил. Кажется, если увидишь его, быстрее удирай со всех ног, а то пришьет...

Но удирать было поздно. Из указанной комнаты вразвалочку вышел Леонард. Он оказался крепким парнем с проступающей рельефной мускулатурой. На нем были тренировочные штаны, кроссовки и черная майка с пантерой без рукавов. Он смотрел на меня и на мать и нагло ухмылялся.

– Я привела полицию, – торжествуя, закричала по-английски чернокожая добропорядочная гражданка, решившая сдать собственного сына – так он, видимо, ее допек.

– Ну, чего, коп, ты один пришел, или там на улице еще копы? – поинтересовался Леонард Диггер (Могильщик – по-нашему). Выглядел он при этом горделиво – мол, смотрите, как я нагло разговариваю с копом, я совсем его не боюсь. Я крутой мэн!

Я продемонстрировал ему надорванный рукав куртки и проговорил:

– Ай эм нот э коп. Ай эм ё френд... – И улыбнулся на всякий случай.

Леонард сильно озадачился таким поворотом событий. Его тяжелая челюсть малость отвисла.

– Ай эм рашн, май нейм из Степан, – добил я его окончательно. Подмигнул ему.

Но тут все пошло наперекосяк. Леонард выдернул из-за спины пистолет, который до поры – до времени прятал в штанах, дожидаясь удобного момента, и направил на меня, держа его в вытянутой руке. Лицо его было злым и решительным.

Дальше разговор пошел на английском. Причем, речь была торопливой. У меня откуда-то проснулось знание языка. Наверное, помог направленный на меня ствол.

– Постой, постой, – закричал я. – Не надо стрелять. Ты совершаешь большую ошибку. И упускаешь отличную возможность.

– Я не знаю, кто ты, – сказал он, – но ты мне не нравишься. Тебя привела моя мать.

Матери, между тем, уже и след простыл, она спряталась в глубине квартиры, предоставив «полиции» самой разбираться с опасным сынком.

– Лиссен, ай эм ё френд. Ду ю хэв сам пот? Летс смок энд спик виз ми...

– About what?

– Эбоут дилс, – брякнул я. – Мы можем с тобой делать крутые дела, Леонард, и зарабатывать очень хорошие деньги. Я знаю одно место, где можно взять много, очень много денег.

Он молчал, явно размышляя – пристрелить меня или все-таки стоит выслушать.

– Ок, – сказал Диггер... – You are not a cop. Who are you?

– А эм рашшн, – повторил я, подивившись его непонятливости. – Степан.

Видимо, русских он знал не понаслышке. Репутация у выходцев из нашей страны в Америке была не очень – среди достойных граждан. Зато всякое отребье, вроде этого типа, напротив – нас уважали. Так что вскоре мы уже курили гашиш из большого фарфорового дракона. Впервые в жизни я видел такой огромный пыхательный аппарат. Комната у Диггера оказалась смешной – совсем детской, с плакатами баскетболистов на стенах и обоями в медвежатах. Не похоже было, что здесь живет крутой грабитель наркодилеров. Наверное, он давно покинул родное гнездышко, но иногда навевался проведать маму. Что там между ними произошло, я не знаю, должно быть – серьезная ссора...

Она появилась на пороге комнаты, увидела, что коп раскуривает с ее сыном-преступником дракона и, причитая, убежала вглубь квартиры. Увиденное ее сильно расстроило. Даже не так – немножечко свело с ума. Коррупция и оборотни в погонах захватили управление Южного Бронкса, должно быть, подумала она. И больше уже не появлялась. Только из дальней комнаты доносился ее причитающий голос – по-моему, она молилась богу, причем, истерично крича, не переставая...

Трава сближает. Мы сидели и улыбались друг другу, не обращая внимания на вопли несчастной женщины. Причем, он не ухмылялся, а именно улыбался – во весь рот, набитый золотыми коронками. Я раньше думал, такие только цыгане носят. На шее у него тоже было золото. Цепь шириной с мизинец.

«Сидит, улыбается, дурачок, – думал я, – и не знает, что я собираюсь сегодня же доставить его напрямую в полицейское управление, чтобы отблагодарить Виктора».

Он в то же время думал примерно следующее:

«Сидит, улыбается, дурачок, и не знает, что когда мы еще немного покурим, я достану пистолет, и пристрелю его к такой-то матери. Кстати, мать тоже надо валить. Совсем сдурела старуха».

В общем, кончились наши молчаливые посиделки тем, что он потянулся за пистолетом, но достать его не успел. Потому что я держал фарфорового дракона наготове и опустил тяжеленное чудище ему прямо на голову. Ду-умс! Дракон раскололся. Диггер вырубился. И остался лежать на полу в зеленых осколках и растекающейся луже воды и крови из пробитой башки.

Я осмотрел его пистолет – какая-то незнакомая американская пушка, но мне пригодится, поставил на предохранитель и сунул за ремень. Затем порылся у Леонарда в шкафу. Веревки я не нашел, зато обнаружил целый арсенал огнестрельного оружия, пару гранат и серый промышленный скотч. Я смотал сначала его руки, затем ноги – очень плотно, так чтобы он не мог освободиться, заклеил рот, аккуратно, чтобы через обе дырки носа он мог дышать. Снял с его шеи золотую цепь, сунул к себе в карман – при случае, сдам в ломбард. Из шелковых модных штанов соорудил некое подобие петли, и примотал его за шею к ручке двери. Тут он очухался, задергался, бешено вращая глазами. Закричал бы – если бы мог. Но не мог, бедняга.

Я чувствовал в это время, как разбухают и становятся все больше и тяжелее у меня между ног стальные яйца. Очень приятное чувство, знаете ли.

Я продолжил обыскивать комнату злобного, но такого беспомощного убийцы. В шортах, брошенных на кровать, обнаружил четыреста сорок долларов и водительские права на имя Leonard Costax. Жалко, что он черный, подумал я, а то можно было бы воспользоваться.

В общем, я наконец перешел черту. И мне было чертовски хо-ро-шо. Диггер смотрел на меня свирепо, но одновременно – со страхом. Чувствовал своей черной душонкой, что «крэйзи рашшн» прошел такую школу жизни в России и так устал от бесконечных унижений в этой страной Америке, что может с ним сделать что угодно.

«А может, отрезать ему ухо? – думал я. – На память». Но не стал. Не садист же я в самом деле.

Я прошел к комнате матери, которая не переставала причитать, и сказал ей как можно более внятно:

– Ду ю хэв э фон?

– Но, но фон... – Она выбежала в коридор, показала обрезанный провод. Пожаловалась на сына – он хотел, чтобы она никуда не могла позвонить.

– Ю маст гоу ту полис офис. Ду ю андерстенд ми?

Тут она заметила сына, примотанного за ручку двери, и испуганно сжалась, прикрыв рот пухлой ладошкой.

– Гоу, гоу, гоу, – погнал я ее из квартиры на улицу. Сам вышел следом. Прихватил только с собой из шкафа пару гранат и карабин М4, очень он мне понравился. Я завернул его в покрывало вместе с шестью обоймами, уже укомплектованными патронами – я проверил. Получился увесистый сверток.

Мамаша Леонарда Лузера Диггера направилась в одну сторону, а я, позвякивая вновь обретенными яйцами, в другую.

Америка, говорите... Тяжело, говорите, будет в эмиграции... Навесим на бедолагу из России долгов и кредитов – и работай, пока не сдохнешь, за копейки, на низкоквалифици-

рованной работе, или мы тебя депортируем. Все, хватит мытья посуды. К черту иммиграционный контроль! Я русский. Я решаю – останусь я здесь или нет. И кому мне платить – а кто пока перебьется.

Так я хорохорился, но было ощущение, что Америка еще меня укатает, будь я трижды железным. И она укатала потом, довела до депрессии, приступов паники, запоев, полной безнадеги... Но пока что я ощущал себя качественно новым человеком, который перевернет эту страну и заставит ее прогнуться под себя...

На углу Санкт-Аннс Аве и 149 стрит я остановился возле пиццерии Fresco. В этот час она была еще закрыта, о чем я сильно пожалел. Жаль, у меня не было часов, и я не мог узнать, во сколько открывается едальня. Проголодался я сильно. Еще бурлил адреналин. Вдруг неподалеку я заметил чернокожего с тележкой из супермаркета и кинулся к нему... Но по пути остановился. Это явно был не тот, что меня ограбил. Пожилой, к тому же высокого роста, с бородой лопатой. Он меня заметил, воровато оглянулся, но не стал ни прибавлять шагу, ни сбавлять его. Просто отвернулся и продолжил свое медленное шествие из ниоткуда в никуда.

Сразу за перекрестком начинался небольшой парк. Хостел я к тому времени найти отчаялся. Хотя Южный Бронкс не так уж велик, но я же не был местным жителем, поэтому блуждал в надежде встретить случайное такси. Деньги теперь были. Светало, и машины стали время от времени попадаться. Но все они ехали по своим делам. А голосовать на дороге, я это уже усвоил, в Америке было не принято. Если ты, конечно, не какая-нибудь двадцатидолларовая шлюха на трассе, отлавливающая дальнобойщиков и любителей минета по-быстрому.

Парк тоже назывался какой-то Сэйнт, в смысле – священный, о чем сообщала табличка. Здесь, разумеется, было сразу несколько баскетбольных площадок. Как без них прожить чернокожим? Никак. Штук шесть. Не меньше. «Здесь они тренируют свои навыки, – подумал я, – чтобы потом обыгрывать иммигрантов в тюрьме». За площадками – дорожки, лавочки, деревца. лягу, на одну из лавочек, и посплю недолго, решил я, лишь бы не сперли карабин, пока я отдыхаю. Ну, ничего, не сопрут, он завернут в одеяло. Положу его под голову. Так что будет и мягко и удобно и спокойно.

«Интересно, как там Диггер-неудачник? – подумалось. – Получил Виктор мой презент?» И тут я начал сомневаться – а тот ли это вообще Леонард?.. Я лучше постарался припомнить фотографию в полицейском участке. Вроде бы, на фото у того нос был меньше. Да и челюсть у этого не такая здоровенная. К тому же, Диггером он себя не называл. А мне и в голову не приходило так к нему обратиться. А, в общем-то, какая разница, решил я, тот это Леонард или не тот. Все равно – мерзкий отморозок. Вон до чего родную мать довел, бузотер хренов. Провод телефонный перерезал, чтобы она не вызвала полицию. Вообще, – я почесал в затылке, – конечно, странновато, что человек, который находится в розыске, вдруг заявился к себе домой. Там-то его, по идее, могут поймать... Да ну его... Не хочу больше об этом думать. Главное, что я поступил правильно.

Я углубился в парк – и тут же наткнулся на шпану. Снова разношерстная толпа черных малолеток. Причем, отлично помню, в России я думал – все негры одинакового цвета и все на одно лицо. А в Америке первое время удивлялся – какие они все разные. Здесь тоже были те, что посветлее, а были – почти лиловые. Но все, как один, дурные, орущие визгливой разноголосицей, будто свихнувшиеся птицы.

Разумеется, это были не те ребяташки, которые меня избили. Но примерно такие же. Человек десять. Я не стал их считать. Как только они направились ко мне, я сразу же достал пистолет... И затем, разложив тех, что не успели убежать, на травке, принялся обшаривать их карманы... Кстати, пришлось пару раз стрельнуть в воздух, чтобы они не торопились покинуть «святую» землю парка – а у них было такое греховное намерение, как только они поняли, что я за фрукт. Правда, они, видимо, решили, что имеют дело с обнаглевшим копом. Денег набралось не густо – полтинник баксов с мелочью. Серебром я побрезговал. Но у одного на пальце

была золотая печатка. Голду я потребовал снять, потыкав паренька для лучшего понимания пистолетом в поясицу. Ну, не знал я слова «снимай», поэтому сказал просто:

– Гив ми ё факинг фингер.

Парень так перепугался, что громко и от души пукнул.

– Ф-фу ты, – выдохнул я. По-моему, он обосрался. Воняло сильно.

Я достал свой раскладной нож и заорал:

– Гив ми ё факинг фигнер, факинг ниггер, ай сэд.

И постучал лезвием по перстню.

– Голд?

– Ёе, – подтвердил он тихим затравленным голоском.

– Гив ит ту ми!

Он снял печатку, и я сунул ее в карман. Затем пинками поднял малолетних ублюдков и заставил бежать. Когда они скрылись из виду, я решил, что на месте преступления спать не годится, и поспешил в другую сторону, прочь от парка – по 149-й стрит.

Повезло. Каким-то ветром сюда задуло такси. Увидев желтую машину, я бросился ей наперерез, готовый, если понадобится, угрожать водителю карабином, лишь бы он вывез меня наконец из этого проклятого гетто. Когда садился в машину, заметил подозрительного типа в бейсболке козырьком назад неподалеку. Он тусовался на углу, переминаясь с ноги на ногу, и странно на меня поглядывал. Это из-за полицейской формы, смекнул я. Попросив таксиста чуток обождать, я направился прямо к нему. И сказал ему:

– Гет аут фром май стрит, коксакер.

Он стремглав кинулся наутек.

– Вот и хорошо, – сказал я. Наверняка это был продавец крэка. Таксист посмотрел на меня с уважением, спросил:

– Куда вам, офицер?

– Ту хоутел, – сказал я, – нот вери... вери... – слова подбирались с трудом. – Чип хоутел, – нашелся я.

– Ок, – ответил он.

И повез меня далеко, из Бронкса, в Эденуолк. Но, похоже, он знал, что делал, потому что частная гостиница оказалась просто отличной. Чистенькой и дешевой. Поскольку я был в форме копа, у меня даже документы не спросили. И это меня здорово настроило на позитив. Я решил, что другую одежду покупать не буду. Так и стану разгуливать по Нью-Йорку в костюме полицейского, словно у меня индивидуальный маскарад, о котором знаю только я один. Зато никому не придет в голову спрашивать у меня документы. Хотя, их и так никто особо не спрашивал, если только человек не совался в подозрительные места – например, кафе, где собирались пуэрториканцы. Но откуда я тогда мог знать, что это заведение под надзором у копов?!

Я купил на ближайшей бензоколонке сэндвич с ветчиной и сыром и бутылку воды. А затем завалился в номер – и проспал двенадцать часов. Проснулся, открыл глаза, и сначала не понял, где нахожусь. Только осознал, что болит все тело. Почему после избиения ссадины и ушибы начинают отзываться болью только через сутки? Понятия не имею. Но сначала ты как будто железный дровосек. А потом вдруг резко превращаешься в ржавую развалину. Кряхтя, как древний старец, я поднялся с кровати и потащился в ванную. Полчаса простоял под теплым душем, смывая всю грязь и мерзость предыдущих дней.

В воде есть что-то волшебное. Не зря все мы вышли из этой стихии. Она точно несет заряд положительной энергии, уничтожая попутно нехорошую ауру, которая тянется за всеми, кто грабит и ворует.

В гостинице я провел несколько дней до среды, на которую Дмитро Козак назначил встречу. Ходил только в магазин, покупал всякие полуфабрикаты, разогревал на кухне гости-

ницы. Там была микроволновка. Однажды столкнулся в кухне со старушенцией на инвалидных ходунках, которая сказала мне по-английски, источая дружелюбие:

– Как приятно, что нас теперь охраняет офицер, я теперь чувствую себя абсолютно спокойно.

Фраза была длинной и сложной, но я ее отлично понял. Сделал вид, что я – суровый блюститель закона. Примерно такой, как Фрэнк, только без всякой голубизны, ответил ей: «Йес, мэм» и поспешил отвалить, чтобы не нарваться на долгий разговор. Эти старые англо-саксонские леди только с виду такие милые дамы, а на самом деле – бдительные, как полицейские ищейки – только и думают, как бы кого-нибудь разоблачить. А еще они любят поболтать ни о чем – вцепятся в собеседника мертвой хваткой, и держат за горло разговора, пока он совсем не потеряет интерес к жизни.

Спросил у хозяина гостиницы нитки и иголку. Он был столь любезен, что дал их мне, и я смог зашить рукав. В общем, новенькая форма была в полном порядке и мне очень к лицу. Я даже начал привыкать к тому, что люди на улице поглядывают на меня по-особенному – как обычно смотрят на полицейских в Америке – офицер рядом, значит, все в порядке. В общем, реакция той бабули (кстати, матери хозяина гостиницы) была вполне предсказуемой.

В среду, в девять часов вечера, как и было договорено, я прибыл к русскому ресторану. Все оружие, включая гранаты, оставил в отеле. Зачем мне в мирной жизни весь этот арсенал?

Увидев меня при полном параде, Дмитро Козак охнул и переменялся в лице. Схватился за сердце, потом вцепился мне в руку и потащил в свой кабинет.

– Ты охренел?! – спросил он тихим, вкрадчивым голосом.

– Понимаю. Но тут со мной случилась одна история... В общем, это все, что удалось достать из одежды. К тому же, у меня теперь нет никаких документов. А коп – это хорошее прикрытие.

Дмитро долго вглядывался в мое лицо – пытаюсь понять, главный ли я идиот в США, или встречаются еще хлеще. Он был ко мне несправедлив. Я же хотел как лучше.

– И как? – спросил он. – Как ты себе представляешь это?! Как я должен тебя представить этим людям? Подведу тебя к ним в таком виде и скажу: «Знакомьтесь, это мой протеже Степан»?! – Он пожевал губами, сотворил грустное лицо. – По-моему, я зря собирался рисковать своей репутацией.

– Да прекрати истерику! – рявкнул я, резко перейдя с ним на «ты». Дмитро опешил. – Все в порядке. Неужели у тебя не найдется какой-нибудь одежонки? У тебя же тут наверняка склад вещей? Ну вот и дай мне что-нибудь на время!

Я говорил уже совсем не так, как раньше, когда, будучи жалким эмигрантом, мыл посуду у него в заведении, и Козак растерялся.

– Но у меня действительно... – пролепетал он. – Почти совсем ничего нет... Хотя... есть спортивный костюм.

– Ну и отлично, подойдет. А форма пока полежит у тебя в кабинете, я ее потом заберу.

Костюм Дмитро оказался мне мал. Зато это был фирменный Adidas.

– Мне бы еще кроссовочки к нему, – сказал я, с сомнением разглядывая полицейские ботинки. Зато с ними штаны не казались слишком короткими.

Куртка до конца не застегивалась, поэтому я оставил ее расстегнутой до пупка. Повесил на шею цепь толщиной с мизинец.

– А это что такое? – спросил Дмитро. Я сначала не понял, что он имеет в виду. Потом понял, что он заметил золотую обновку.

– Для солидности, – сказал я. Достал из кармана печатку и надел на средний мизинец левой руки. У подростка он сидел на среднем, а у меня как раз отлично помещался на мизинце. – И болт тоже.

– Ну-у, – протянул Дмитро. – Ты это... смотришься немного вызывающе... Но зато, похоже, что ты готов на любой риск ради денег.

– Вот видишь, – я хлопнул его по плечу, отчего он вздрогнул и пошел красными пятнами, – а ты боялся. Ну давай же скорее, представляй меня своим серьезным людям.

– Они уже здесь, давно, – с достоинством сказал Козак. – В ВИП-зале. Хорошо, что они там, и не видели, в каком позорном виде ты явился.

– Ну хватит, хватит... Пойдем знакомиться.

Я ожидал увидеть кого-нибудь действительно солидного, похожего на дядю Дато (к несчастью, был в моей жизни такой авторитетный человек – хитрющая змеюка), но за столом ВИП-зала сидела совсем другая компания. По центру стола – молодой парень по имени Юра Закидон. Так он представился. На пальцах у Юры были воровские татуировки в виде перстней. И парочка золотых печаток. Он сказал, чтобы я присаживался к «их дубкам». Рядом с Закидоном «у дубков» сидели Кеша Афган и Йося Еврей.

– А тебя как звать-величать? – спросил Юра.

– Степа Калита, – ответил я в тон, сходу придумав себе кликуху. Когда-то я увлекался историей, и «собирателя русских земель» даже уважал. К тому же, «калита» – на старославянском «кошелек», такой псевдоним должен приносить удачу и финансовое благополучие, решил я.

– Корона не давит? – поинтересовался Юра. – С таким-то погонялом.

– Нет. Хорошо сидит.

Разговор начался странно.

– Разлей, – попросил Юра. И Афган принялся разливать водку, бахнув рюмку передо мной на стол, который они почему-то называли «дубками».

– Ты в Бога веруешь? – у Закидона был закидон на эту тему.

– Ну... – Помялся я. – Иногда.

– Это не ответ, – настаивал Юра.

– У меня с Богом сложные отношения. Верю, когда сильно прижмет. А когда все в порядке, что-то не очень.

– Это плохо, – расстроился Закидон. – В Бога надо веровать. Каждому. Тем более, здесь, в Америке. Где Ортодокс Чарч требуется наша помощь и поддержка.

– Ортодокс Чарч? – переспросил я.

– Так вашу православную церковь называют, – вмешался Йося Еврей.

Юра покосился на него недобро...

– Нашу, вашу, – проворчал он. – Кто обещал в ортодоксов креститься?

– Я пока не готов.

– Все только говоришь. Ладно, за сказанное! – Он поднял рюмку.

Мы, не чокаясь, опрокинули содержимое в себя.

– Давно из России? – спросил Юра.

– Месяца полтора.

– И уже успел в иммиграционной тюрьме посидеть, – заключил он. – Наслышан. Козак просветил. Ну, что я тебе скажу. Непруха. К нам обычно пацаны едут – быстро легализуются. Мы им фиктивный брак оформляем. Чаще всего с китайками. Ты им бабла – они тебе американское гражданство. Законы в Юса, конечно, дурацкие. Прикинь, обыкновенным лохам визу не дают. А нашим пацанам под бонд – пожалуйста. Только все дороже и дороже приходится выкупать пацанов.

– Как это – под бонд?

– Ну, смотри, американское правительство не хочет, чтобы к ним всякая нищета из Раши перла... Поэтому придумали закон. За человека можно положить деньги на депозит. Гарантия того, что он здесь пробудет определенное время – и свалит, а не останется на анлигал.

Он уезжает – деньги возвращаются вкладчику. Ну, мы эту фишку просекли, конечно. Нам что, в падлу корешам помочь свалить за бугор? Кладем деньги в банк – пацан приезжает. И остается. Деньги, конечно, отбивает потом. Это ж за него заплатили. Все законно. И все в наваре. А ты как приехал?

– По туристической визе.

– Легко дали?

– Да, в общем, легко.

– Повезло. А я уже было подумал – ты не фартовый. Ну, – он снова поднял рюмку. – За сказанное!..

Посиделки наши продолжались часа полтора. Юра заказывал все новые блюда. Но почти ничего не ел, все больше пил. Был он худым и поджарым. И от него исходило ощущение силы и уверенности в себе. Сразу становилось понятно, кто здесь главный, а кто на подхвате.

– Ты, вообще, по жизни кто? – спросил Юра, я заметил, что он сильно захмелел. – Фраер или жиган?

– Жиган, – ответил я, не задумываясь. Выбор был невелик.

– Молодец. – Юра встал, подошел, обнял меня неуклюже и поцеловал. – Чувствую, ты свой пацан. Будет с тебя толк. Этому фраеру хохлятскому уважуху надо бросить. Еврей, пойдди, дай пару сотен зелени Козаку, пусть порадуетя... – А поехали к шмарам, – предложил Юра.

Я напрягся. Проституток я не любил. Но, с другой стороны, у меня давно уже не было женщины. И все же, энтузиазма я не чувствовал.

– Что-то не очень хочется, – замялся я.

– Ты чего, голубой, что ли? – спросил Закидон. И по-моему, вопрос он задавал абсолютно серьезно.

– Нет, конечно. Женщин я люблю. Но проституток не очень.

– Это ты напрасно, но у каждого свои закидоны... – Юра засмеялся. – Ладно... – Он вынул из кармана ручку Tibaldi и написал на бумажке телефон. – Это мой сотовый. Я всегда на связи. Так... – Он опять полез в карман. Тебе подъемные нужны?

– Ну... – замялся я.

– Да не стесняйся, здесь все свои.

– Было бы неплохо.

Юра достал из кармана пачку плотно скрученных стодолларовых купюр на резинке.

– Лопатники не признаю, – сказал он. Отсчитал тысячу долларов – и всучил мне. – Отработаешь. Ты теперь на меня пашешь. Понял?

– Конечно, – ответил я, пряча деньги в карман.

– Ничего ты не понял. Мужики папшут. А вор ворует. Ладно, поймешь в процессе... Ну все, поканали, пацаны.

Закидон в сопровождении Йоси и Афгана вышел из ВИП-зала. Я следом за ними.

– Уходите? – кинулся им навстречу Дмитро.

– Да, нам пора. Ты деньги получил?

– Конечно. Премного благодарен.

– Ну ладно, будь... Пацан отличный... на первый взгляд, – Юра покосился на меня. И они вышли из ресторана. Уехали на черном джипе.

– Вижу все прошло удачно? – сказал Дмитро.

– Да, спасибо тебе, вроде, все в порядке.

– Ну дай-то бог.

Мы прошли в кабинет, где я снова переоделся в полицейскую форму. Попрошался с Козаком. И поехал покупать себе нормальную одежду. Если я собираюсь «работать» с этими ребятами, а я собирался, то форма мне вряд ли пригодится. Сами они были одеты скромно. Юра вообще носил шорты и майку «Я люблю Америку», словно какой-нибудь турист. На Афгане

была армейская рубашка под камуфляж и брюки цвета хаки. Еврей был одет в черную рубашку и светлые джинсы. Я решил, что джинсы и темная рубашка – мне подойдут идеально. Прикупил еще джинсовую куртку. Хотел было взять кожаный пиджак, но он стоил триста с лишним долларов. И я решил, что не настолько богат, чтобы так разориться. Еще я приобрел черные мокасины. И очень нужную вещь – мобильник. Все это время в Америке я обходился без него, и несколько раз пожалел, что его у меня нет...

Любопытство жгло нутро – что там с Леонардом? Сердечко екало при воспоминании о Кейт. И меня понесло к ней...

Днем в Южном Бронке было абсолютно спокойно. Район как район. Разве что чернокожих больше, чем где бы то ни было в Нью-Йорке. Я приехал туда на метро. Быстро нашел полицейское управление. Меня не хотели пропускать. Но Виктор оказался на месте. И вышел ко мне.

– Вот, – я вручил ему двадцатку.

– А это что? – он уставился на букет цветов, который я держал в правой руке. – Девушку себе нашел?

– Нет, это я хотел Кейт подарить.

– Чего-о?! – разозлился Виктор. – Ты чего, совсем офанарел?! С чего это вдруг ты будешь дарить нашей Кейт этот веник?! Давай вали отсюда... Вали, я сказал. – Он принялся выталкивать меня наружу.

– Да погоди ты, я хотел узнать, не нашли мой паспорт?..

– Нет, ничего мы не нашли!

– А это...

– Вали, я сказал...

Я оказался на улице с букетом. Сплюнул с досады. И прикрепил его к дверям участка. Ну и ладно, подумал я, в этот раз не получилось, получится в следующий...

Закидону я позвонил на следующий день. Он подошел не сразу.

– Кто это? Ах, это ты... Ну все, приезжай давай на хазу. Пиши адрес. Дело есть... Это твой мобильный? Я записал...

Перед тем, как ехать к Закидону, я позвонил с мобильного Иосифу Хейфецу – хорошо, что запомнил его домашний номер. Он был на месте. На вопрос, как бы мне восстановить документы, адвокат беспечно ответил:

– А зачем тебе этим заниматься, Степан? Оставь сейчас эту затею. До суда. Пройдет суд, тогда и сделаешь. А пока не суйся никуда, где тебя могут задержать. Не выезжай из города, там могут проверить документы патрули. Просто сиди тихо. И скажи мне, пожалуйста, ты уже узнал, где взять двадцать тысяч? Понимаю, тебе сложно. Ты в затрудненных обстоятельствах. Но и ты пойми меня, на меня тоже давят.

– Я занимаюсь этим вопросом.

– А как? Как ты занимаешься, могу я узнать?

– Позвонил кое-кому в России. Мне пришлют деньги, – соврал я.

– Отлично, молодец, – одобрил Иосиф, – переслать деньги – это же дело нескольких часов.

– Там придется кое-что продать.

– Опять же – молодец. Зачем тебе какая-то недвижимость в стране, куда ты больше никогда не вернешься?

– А если суд решит меня депортировать?

– Что за пессимизм?! Не надо думать о плохом. Мысли позитивно. Ты знаешь, что наши мысли материализуются. Если будешь мыслить позитивно, все сложится так, как надо. А будешь думать о плохом, плохое обязательно случится.

– Я в этом не уверен, Иосиф, но спасибо за совет.

– Пожалуйста. Еще встречаются адвокаты, ха-ха-ха, которые дают бесплатные советы. Правда, это здорово?

– Очень...

После разговора с Иосифом я погрузился. Опять на меня давят с этими долгами. И эти двадцать тысяч – только первый взнос. А потом – выплачивать бешеные деньги за свою свободу. Угрозило же меня связаться с этими упырями. Жалко, я раньше не знал Юру Закидона. Приехал бы под бонд, женился на китайке, и легализовался, как делают все хитрожопые преступники.

«Хаза» Юрия находилась в Бэй Ридже, на 95 стрит, в четырехэтажном доме из красного кирпича. Спокойный район. К тому же, на берегу залива. Воздух здесь был пропитан морем. Когда я вышел из машины и вдохнул его, мне сразу стало спокойно и хорошо. Тревога ушла. Я понял, что все будет нормально.

Дверь подъезда была открыта нараспашку. Я поднялся на третий этаж. И пожалел, что не позвонил снизу. Ведь стоял же возле звонков. Разумеется, наверху звонка не было. Пришлось стучать. Я боялся, что меня не услышат, потому что в квартире громко работал телевизор – его было слышно с лестницы через картонную дверь. Но на стук мне сразу открыл Афган.

– Здорово, – сказал он, – проходи.

Закидон сидел на диване напротив телевизора и смотрел бейсбол.

– Увлекаешься? – спросил я.

– Да ты знаешь, как в Америку приехал, сначала вообще не понимал. А теперь ни одной игры не пропускаю. Затягивает. Я хотел даже как-то одного бейсболиста пригласить к нам в ресторан. Ну, там... поздравить с победой. Выпить вместе. Но он отказался. Гордый очень. Не ездит к поклонникам. Ну да ладно, я его простил. У него бросок знаешь какой...

На стенах квартиры висели иконы и здоровенное полотно в золоченой раме – Иисус тащит крест на голгофу. Причем, писал картину явно не профессионал – или кто-то специально старался придать полотну вид детского рисунка. Я в живописи разбираюсь, это «произведение искусства» было апофеозом пошлости. Потом выяснилось, что Юрий ее написал сам. Хорошо, что я не успел высказать свое мнение знатока, а то он непременно обиделся бы.

– Значит так, – Юрий подошел к сейфу, быстро набрал несколько цифр, отпер его и достал оттуда пистолет в кобуре, – это тебе. Надевай. И под куртку спрячь, чтобы было не очень заметно. Сейчас поедем на Брайтон-бич. Там одна бич не хочет нам отдавать кэш. А это, согласись, не порядок. Дело несложное, так что поедем вдвоем с тобой. Афган, а ты пока игру досмотри, расскажешь мне потом все в деталях... И чтобы не пропустил ничего... Кто бил, как отбил, куда улетело...

Если бы не пробки, мы доехали бы до Брайтона минут за двадцать по шестирядному хайвею (они, как линии воздуховода – начерченные на теле задыхающегося города), но все равно – пробки, пробки, пробки... Трафик в Нью-Йорке плотный, как набитый доверху саквояж. А все потому, что у каждого есть машина. А иногда – две машины. А иногда – целый гараж машин. И все американские. Старые. Любят местные собирать разнообразную рухлядь, жрущую бензин литрами. Но им все равно, что это дорого. Они, видите ли, тащатся от этой древней ненасытной железки, и катаются на ней с превеликим удовольствием.

Вот и Юра порядком обамериканился, и имел несколько машин. В Брайтон мы поехали на его Chevrolet Impala 62 года выпуска. Закидон машиной очень гордился. Перед тем, как сесть за руль, достал носовой платок и аккуратно протер пятно на капоте, оставленное пролетающей мимо птичкой.

– Разлетались, – проворчал он. – Хорошо, что собаки не летают.

На город упала летняя жара. А жара в Нью-Йорке – мрачная. Влажная и удушливая. В старой машине без кондиционера она ощущалась еще сильнее, несмотря на полностью открытые окна. Рубашка липла к телу, и хотелось вылезти в окно по пояс. Бесконечная пробка на хайвее

вызывала дикое раздражение. Мы все тащились и тащились в ней. Юрий и сам понял, что надо было брать джип с кондишеном – и с неудовольствием сопел.

– Не надо было сегодня туда ехать, – высказался он. – Чувствую, день неудачный. Лучше бы пошел в Свято-Николаевский.

– Куда?

– На Манхэттене есть Свято-Николаевский собор. Обязательно сходи. Исповедуйся. Там батюшка замечательный. Отец Федор. Ты, вообще, давно исповедовался?

– Давно, – я вздохнул, чувствуя, что Закидон сел на своего любимого конька – и сейчас опять будет агитировать за Веру православную. Так и случилось.

– В Яблоке православных церквей много, – сказал он, – но не в каждый храм стоит заходить. Отец Федор говорит, некоторые только рядятся под православных. Недавно один деятель объявился. В православном храме читал людям лекции о том, что во всем виноваты евреи. Ну, евреи, конечно, обиделись. И когда он шел домой по темной улице, его кто-то сильно стукнул по темечку. Так что он немного повредился рассудком. Он, правда, и прежде с головой не дружил. Так что, я думаю, – ничего страшного. Не будет, сука, поганить православную Веру... Вот я не понимаю, как ты можешь жить без исповеди – и нормально себя чувствовать. Я, если месяц не исповедуюсь, такой камень на душе ощущаю. Просто глыба лежит. И радость жизни пропадает. Ничего не хочу. Пить начинаю. Исповедоваться, брат, обязательно надо.

– Я исповедуюсь, – пообещал я.

– Это хорошо, душу себе облегчишь.

Часа через два мы наконец добрались до Брайтона. Машину запарковали возле залива. Ветер с океана дул горячий. Солнце жгло так, словно намеревалось прожарить все вокруг.

Неподалеку за столиком сидело несколько мужиков и с увлечением играли в домино.

– Рыба! – один из них бахнул костяшку на стол и радостно захохотал.

Я заметил, как он воровато огляделся, достал из-под стола бутылку пива «Балтика» – и жадно припал к ней.

– Русские, – отметил Юрий. – Бля, ну хули так себя вести? Хули распивать на улице, если нельзя. Не понимаю я таких.

– Эй, – заорал нам доминошник, лакавший пиво, распознав в нас соотечественников. – Закурить не найдется?

– Ну епты, – проворчал Закидон. – Пошли отсюда.

Мы молча проследовали мимо.

«Балтика», кстати, по-моему, единственное пиво, которое можно было купить в американских магазинах. В основном, все пили «Бад», то бишь «Будвайзер». Я пробовал его – мне оно совсем не по вкусу.

Мы миновали несколько кварталов, прошли мимо русской «Аптеки», «Кафе» и книжного магазина для русских, – вывески были на нескольких языках, и всюду слышна была русская речь, – и остановились напротив лавки «Потомственная гадалка».

– Нам к гадалке, что ли? – удивился я.

– Нет. Но через нее удобнее в дом зайти. А то он, пожалуй, нам не откроет.

Гадалка сидела на первом этаже дома. Рядом был подъезд, оборудованный пандусом. Это означало, что в доме живет инвалид. Неважно, какого размера дом, неважно, сколько в нем инвалидов и обыкновенных жильцов, если лендлорд, хозяин квартиры, сдает ее инвалиду, он должен сделать пандус. Или жилец, наняв адвоката, сдерет с него три шкуры.

Мы зашли в заведение «потомственной гадалки». Она оказалась дамой в возрасте.

– Здравствуйте, – вежливо сказал Закидон. – Только не надо беспокоиться, мадам. Мы через вас пройдем к нашему знакомому. Он что-то не открывает, а мы за него сильно переживаем.

– Ладно, идите, – пробасила мадам.

Мы проследовали через несколько комнат, гадалка шла следом, сама открыла нам дверь, и мы оказались на лестнице.

– Удобно, люблю, когда ничего не приходится ломать, – сказал Закидон.

По лестнице мы поднялись на второй этаж.

– Неудобно, – сказал Закидон, – но дверь придется сломать.

– А может, постучать?

– А он все равно не откроет, падла.

Я все же стукнул несколько раз в дверь. Прислушался. За дверью было тихо.

– Там он, там, – сказал Закидон. – Он трубку берет, и молчит. Ни «алло» – ничего тебе. Потому что знает – это Закидон по его душу. Ладно, давай, вышибай дверь.

Я потрогал замок, дверка была хлипкая. И ногой шибанул прямо в область замка. Он с треском сломался, и дверь распахнулась. Мы зашли внутрь. И тут же увидели хозяина квартиры. Он уже разворачивал инвалидное кресло, намереваясь сбежать от незваных гостей. Только куда?

Закидон никуда не спешил, аккуратно прикрыл дверь с выбитым замком, приставил к ней табуретку. И пошел на инвалида. Я двинулся следом.

Инвалид вырвался из коридора в комнату и судорожно схватился за телефон. Юра подошел и выдернул провод. Потом отвесил бедняге смачную оплеуху.

– Ну ты, – сказал он, – ты как гостей встречаешь?!

– Пошли вон, – завизжал инвалид. – Вон пошли из моей частной собственности!

Юра достал носовой платок, которым недавно протирал свою любимую машину, и затолкал инвалиду в рот. Тот дергался всем телом, старался отпихнуть его слабыми ручками, но ничего не мог поделать.

– Будешь орать?! – говорил Закидон. – Я тебя спрашиваю – будешь орать? Или будешь сидеть тихо?..

Экзекуция над инвалидом меня порядком покорибила. Я смотрел на это безобразие с осуждением, но не вмешивался.

– Эта тварь нам денег должна, – сказал Юра, – много уже накапало. Пришлось ему счетчик включить.

Я молчал.

Инвалид тем временем выплюнул платок и снова заорал:

– Ничего я тебе не должен. Не буду платить, я сказал! Помогите, убивают!

– А ну-ка, – обратился Юра ко мне, – Калита, сломай ему руку. Чтобы не орал...

Я замер в растерянности.

Инвалид, между тем, испуганно замолк, глядя на меня. В его глазах был страх и жертвенная тоска.

– Ну чего ты?! Я сказал, сломай ему руку!

Я нерешительно подошел к инвалиду, потянулся к нему, но он отдернул правую руку, прижал ее к себе.

– Все, я молчу, молчу, я вас внимательно слушаю.

– Поздно слушать, – сказал Юра. – Я тебе уже все сказал... – И обратился ко мне: – Ты не смотри, что он несчастного из себя корчит. У этого воротилы половина магазинов на Брайтоне. Это коммерс известный. А что живет, как фуфел, так это его собственный выбор. Экономный очень. Он только на сиделке не экономит. Ты бы его сиделку видел. Не девочка – конфетка.

– Не смей! – выкрикнул «коммерс». – Она святая. Она мне помогает после аварии.

– Угу, святая. Помогает. За большие деньги. Отсасывает тебе, наверное. Если у тебя, конечно, еще стоит. Ты давай лучше быстрее думай – как заплатишь. Мне деньги нужны прямо сейчас!

– Ничего я вам не дам, – опять уперся инвалид.

– Вот мудак! – расстроился Юра. – Ну все, Калита, ломай ему руку.

– Нет-нет, – закричал несчастный. Я понял, что никуда не деться, придется это сделать – поймал его руку и вывернул до характерного хруста. Он завизжал, как поросенок. И умолк. Сломанная конечность повисла, неестественно вывернутая.

– Со смещением перелом, – одобрил Закидон. – Качественный. Ну чего? Бабки будут? Или нам вторую ломать?

– Дайте телефон, – тихим голосом попросил инвалид. – Мне надо позвонить. Деньги принесут.

Юра достал мобильный.

– Диктуй номер.

Инвалид принялся называть цифры, которые Закидон послушно набирал на телефоне, потом передал трубу бедняге. Тот взял ее трясущейся левой рукой, поднес к уху... Наступило временное затишье...

– Что, никто не отвечает? – спросил Юра, потеряв терпение.

– Полиция! – вдруг закричал инвалид. – Это полиция! Меня грабят! Ко мне вломились домой!

– А ну дай сюда! – Закидон отобрал у хитроумной жертвы мобильный, и так ударил его ногой в грудь, что тот едва не опрокинулся вместе с креслом, колесики приподнялись над полом и опустились назад. Инвалид зашелся в кашле, переходящем в крик.

– Так, быстро сваливаем! – скомандовал Закидон. И мы побежали к лестнице.

Успели убраться раньше, чем приехала полиция.

– Ну надо же, какая сука! – возмутился Юра. – А я ему еще номер сам набрал. Охренеть! Вообще! Я как чувствовал, что день сегодня неудачный... Но ты молодец. Как ты ему руку сломал. – Он захохотал. – Хрясь – и пиндык. Ну чего? Поедем в собор – исповедоваться? Или к блядям? Хотя блядей ты недолюбливаешь, я помню. Ну, значит, в собор – к отцу Федору. Хотя и нагрешить-то толком не успели...

– Давай лучше поедем – выпьем, – сказал я. На душе было хреново.

– Чего ты приуныл-то? – Юра по-своему понял причину моей печали. – Переживаешь, что деньги не взяли? Да ты не волнуйся. Отсыплю я тебе монет. Все нормально.

– Да как-то жалко его, что ли... – признался я.

– Чего?! Жалко?! Этого лоха позорного? Знаешь, как он спину сломал? Ехал бухой из казино по хайвею из Атлантик Сити. Ну и влетел в другую машину. А в ней дети. Семья. Все – в лепешку и в морг. А он живой, только в инвалидное кресло пересел. Такие дела.

От этой истории мне немного полегчало. Все-таки сломать руку убийце детей – не то же самое, что повредить конечность безобидному инвалиду.

– А почему он не в тюрьме?

– Так это давно было. Адвокат хороший. Заплатил штраф в пользу родственников. Восемь месяцев тюрьмы получил. И вышел. Вот такие в Америке законы. А меня в России по малолетке закрыли на два года за мешок картошки. И потом уже пошло-поехало... Ну да ладно, это все дела прошлые. Выпить – так выпить. Поехали к Козаку. Он, правда, обнаглел в последнее время. Стал пятнадцатипроцентную наценку в меню вписывать. Но я ему все равно по счету не плачу, так что по хрену. Козак свой человек. Хоть и жадный фраер. Ну, вот, блядь, опять...

Мы снова встали в пробку на шоссе. Она тянулась впереди на многие километры. А в машине установился климат финской сауны. И рубашка опять неприятно липла к телу. И душа у меня, я чувствовал, стала тоже липкой и несвежей. Словно внутри поселилась какая-то гниль, и начинает меня разъедать. Я и представить не мог, что душа может вдруг застрадать, содрогаясь от того, что ты идешь по неправильному пути, и совершаешь злые поступки.

С самого начала я недооценил Закидона. За внешним фасадом очень простого приклатенного парня из России с трепетным отношением к православию скрывался поистине сатанинский интеллект. Людей к себе он приближал, связывал кровью, первоначально уделяя им особое внимание. А потом, связав общими кровавыми делами, как будто полностью терял к ним интерес – знал, что они уже никуда не денутся, и будут верно служить – теперь они на коротком поводке. Помимо Афгана и Еврея мне предстояло познакомиться и с другими пацанами Закидона.

Общие встречи, когда собирались все, обычно проходили в ресторане Козака. На это время заведение закрывалось на спецобслуживание. Почти все в банде были русскими, украинцами или евреями, но была парочка чеченцев, один осетин и даже один американец. Не знаю, как его занесло в такую «веселую» компанию, но по-русски он говорил вполне сносно. Все звали парня Бургер. За любовь к общепиту. Телосложения он был крепкого, относился к тому типу, кому большой вес только добавляет здоровья и силы. Розовые щеки постоянно что-то пережевывали.

Меня Юра представил как нового члена «круга доверия» («circle of trust»). При мне они принялись обсуждать все свои дела, нисколько не скрываясь. И я узнал, что у Закидона большие проблемы – маленькая война с другой русской группировкой, кроме того, проблемы с черными и пуэрториканцами, и временный союз с китайцами, итальяшками и евреями. Группировка занималась торговлей оружием и изредка – поставками наркотиков. Но наркотики Закидон не жаловал. Еще она держала несколько заведений с проститутками. Доходы были неслабые, но и проблем хватало. Оружие закупали все – и китайцы, и итальянцы, и евреи, и даже ирландцы, которые каким-то образом вывозили его из страны на родину, для поддержки деятельности ИРА. В общем, дело было поставлено на широкую ногу.

Закидон деловито обрисовал картину, раздал всем указания. Потом дал знак Афгану – и тот, открыв чемодан, принялся выдавать «зарплату». Моя пачка, я заметил, была самая тонкая. Ну что ж, сколько заработал. За один перелом со смещением – неплохо. После собрания я пересчитал бабки – тысяча семьсот баксов, на выплату взноса адвокату явно не хватало. Между тем, Иосиф уже несколько раз звонил мне на мобильный и взволнованно говорил, что «на него давят», и «деньги нужны срочно». Я решил переговорить с Юрой.

– Закидон, – сказал я, – есть разговор.

– Я тебя слушаю.

– Короче, мне нужны деньги. Чтобы отдать долги адвокату – залог за свое освобождение.

– А может тряхнуть его? – предложил Юра. – Чтобы отстал от тебя.

– Это же адвокат. Он мне нужен. Он будет представлять меня на суде.

– Да, попал ты, парень. Залог – двадцать тысяч?

– Да.

– Хорошо, я дам тебе эти деньги. Но ты же понимаешь, все придется отработать.

– Конечно.

– Вот и отлично. Сегодня и отработаешь.

– Я готов.

– Надо поехать в Гарлем. И кое-кого грохнуть.

Он внимательно смотрел на меня.

– Хорошо, – ответил я, довольно быстро переварив новую информацию.

– Вот и ладненько. Не буду спрашивать – убивал ли ты кого-нибудь раньше – думаю, ты справишься.

Я кивнул...

В Восточный Гарлем мы поехали втроем. Я, Юра Закидон за рулем своей излюбленной машины (несмотря на жару, он упорно продолжал кататься на Chevrolet Impala) и еще один парень Николай по кличке Чип. Прибыли на место, остановились и стали следить. Дома здесь

были такие же, как в большей части Нью-Йорка, за исключением Манхэттена – три-четыре-шесть этажей, европейская архитектура, красный кирпич. Мы стояли напротив лавки Liqueur с желтой вывеской.

– Сюда его приведут, я договорился, – сказал Юра. – Ты подойдешь, и выстрелишь в него два раза. Не забудь – контрольный в голову.

Мне стало не по себе.

На улицах, в основном, были латиноамериканцы. Трое белых в старой американской машине привлекали внимание. Мне это не нравилось.

– Мы слишком заметны, – сказал я. – Как вошь на лысине.

– Не ссы, сейчас он его приведет.

Но прошло не меньше получаса, прежде чем Юра сказал:

– Они, пошел быстро. Нам нужен тот, что в красном.

Я вылез из Chevrolet и быстрым шагом направился к двум латиноамериканцам. Пока я шел, шаг мой замедлялся. Вокруг было полно людей. Стрелять в такой толпе – безумие! И все же я это сделал. Я пристроился к ним сзади. У входа в магазин они ненадолго задержались. Я достал пистолет, и прижал вплотную к спине жертвы, между лопаток, и спустил курок. Мне почему-то казалось, если выходное отверстие будет плотно прилегать к телу, выстрел будет глухим. Он он громохнул так, что в толпе сразу завизжали. Жертву в красной рубашке отбросило вперед, и он упал лицом вниз. Я подошел и дважды выстрелил ему голову. Бдж, бдж! От первого выстрела в голове образовалась аккуратная дыра. От второго – череп раскололся, и я увидел, как вытекает что-то белое... Развернулся, чтобы идти обратно, и тут на меня кто-то налетел в прыжке. От неожиданности я потерял равновесие и упал. Какой-то смельчак вцепился в руку с пистолетом и выкручивал ее. Недолго думая, я перевел оружие ему в грудь, перекинул его, и дважды спустил курок. Опять грохнули выстрелы. Он откинулся назад. Ему спешил на помощь другой «герой», но увидев, что я поднимаюсь, остановился. Я быстро пошел к машине, сел внутрь.

Закидон тут же дал по газам, и мы помчались прочь. Только сейчас я понял, зачем с нами ездил Чип. Юра меня испытывал, и боялся, что я не сделаю то, что должен. Тогда дело довершил бы Чип...

– Вроде, чисто, – сказал через некоторое время Закидон. – Ушли. Но Лэтин Кингс не обрадуются. Будут тебя искать...

– Мне стоит волноваться?

– Как сказать, – уклончиво ответил Закидон и широко мне улыбнулся, – не волнуйся, не дадим тебя в обиду. Ты только что заработал свои двадцать тысяч. Теперь я забашляю их тебе без проблем.

И он действительно, как только мы приехали в Бруклинский Бэй Ридж выдал мне двадцать тысяч из сейфа и еще ключи.

– Ты ведь до сих пор живешь в гостинице, – вкрадчиво сказал Закидон.

– Да, – подтвердил я.

– Ну так теперь ты живешь в Бэй Ридж. Дом в двух шагах отсюда. На 76 стрит. Тебе понравится.

– Спасибо, – я не знал, как его благодарить.

– Ладно, иди, обживайся. И будь на связи все время. Не отключай мобильник.

Я поехал в гостиницу, забрал свой пистолет (теперь у меня их было два), одеяло с завернутым в него карабином М4, гранаты, сумку с вещами – и поехал на такси в Бэй Ридж.

Квартирка под номером 66 (мне не понравилось это сочетание цифр) оказалась маленькой, но уютной. Совмещенный санузел (впрочем, в Нью-Йорке они почти везде совмещенные) и ванная с низкими краями – никто не лежит в ней, как в России, местные принимают душ,

потому что все время спешат по делам – занятые люди нью-йоркцы. Большая кровать с жестким матрасом – то что нужно.

Я повесил в шкаф джинсовую куртку и полицейскую форму (на всякий случай, я не стал от нее избавляться).

Позвонил Иосифу Хейфецу.

– Деньги у меня.

– Отлично, просто отлично, вы очень порадовали меня, молодой человек.

– Как я могу вам их передать?

– Где вы находитесь? Я сам приеду за ними.

Ну, надо же, какой сервис, подумал я. Скорее всего, адвокат просто никому не доверял. Даже курьеру.

Он приехал спустя полчаса. И еще полчаса тщательно пересчитывал купюры. Когда закончил считать, начал снова.

– Деньги любят точность! – заметил он.

– До суда этого хватит? – раздраженно спросил я.

– Что вы, Степан? До суда пройдет еще месяца три! Я надеялся, что вы успеете заплатить еще что-нибудь за это время. Тысяч десять – пятнадцать. В счет долга. Это, конечно, гроши. Но, как первый взнос, вполне сойдет.

Я разозлился. Знал бы он, что мне пришлось сделать, чтобы достать эти деньги. Мелькнула даже шальная мысль – а не выстрелить ли ему в голову. Но я отбросил ее – как абсолютно безумную. Где я возьму другого двуязычного адвоката, который грамотно проведет суд?! А мне очень не хотелось, чтобы после всего, что я прошел, меня депортировали обратно в Россию – и там пристрелили за предыдущие заслуги.

– Десять! – жестко сказал я. – До суда – только десять. И я не уверен, смогу ли их достать...

– Вы что-нибудь придумаете, я уверен, – сказал Иосиф, забрасывая деньги в дипломат, – видите, я сразу заметил, молодой человек, что в вас скрыт большой потенциал. Именно такие люди и нужны Америке. Энергичные, уверенные в собственных силах. Суду вы, скорее всего, понравитесь. Особенно, если скажете, что обожаете Ю-эс-Эй, и не представляете свою жизнь без этой великой страны.

– Так и скажу.

Когда Иосиф уехал, я ощутил, как на меня навалилась дикая чудовищная усталость. На плечи, будто, давило несколько атмосфер. Я пошел в ванную, где меня долго рвало сначала недавним съеденным бургером, а потом желчью.

В кого я превратился, думал я, в настоящего убийцу. Вспомнил Диню и Старого. Их такая жизнь нисколько не напрягала бы. А на меня давила. Наверное, они были сделаны из другого, более гибкого и эластичного, материала. А я мог сломаться, если слишком сильно нажать не в том месте. Это слабость, сказал я себе, будь сильнее. Иначе в Америке ты не добьешься ничего. Тебе даже мыть посуду в ресторанах не позволят. Просто выкинут с берегов свободы – прямиком назад в Совок. Там, правда, давно уже не Совок, а Россия, которую растаскивают по частям, но это тот же Совок, если приглядеться – только вид сбоку.

– Ну как квартирка? – Закидон позвонил вечером.

– Прекрасная, – сказал я.

– Лендлорд зайдет, чтобы познакомиться с тобой. Но он – свой человек. Придираться не будет. Если, конечно, ты не разнесешь квартиру и не начнешь выбрасывать мебель из окон. Ты ведь не будешь этого делать?

– Нет, конечно.

– Ну и отлично. Хотел сказать, что ты отлично справился. Мы с тобой сработаемся, парень. Мобильный не выключай. Ты мне скоро понадобится. Очень скоро.

– Тут такое дело. Мне нужно еще десять тысяч.

– Еще десять?.. – Закидон помолчал. – Знаешь, я так думаю, тебя разводят, как лоха, Калита. Ладно, помогу тебе с этим делом. Наведу справки о твоих поручителях по своим каналам. Ты как, не против того, чтобы взять деньги у них же, и заплатить им их же деньгами?

– А что, так получится?! – поразился я.

– По-твоему, я порожняк гоню?! – обиделся Закидон.

– Нет-нет, конечно, я тебе верю.

– Ну и отлично. На днях, готовься. Поедем решать твою проблему.

Положив трубку, я некоторое время размышлял. Я боялся, что Закидон решит ее своими методами – поведет себя, как слон в посудной лавке – устроит шумную разборку, а я в результате окажусь крайним. Но, как я уже говорил, я недооценил Закидона. Он обладал обширными связями и по-настоящему дьявольским интеллектом. Меня он пока что обхаживал. Я был ему интересен. К тому же, уже повязан кровью.

Свой любимый Chevrolet Impala, засвеченный во время убийства в Восточном Гарлеме, как я узнал, через некоторое время, Юра утопил в заливе. Так он разозлился на жару в салоне и отсутствие кондиционера. Характер у него был сложный. Он вообще был очень непрост. В чем мне еще предстояло убедиться.

– Иосиф, – я позвонил адвокату, – скажите, сколько я всего должен денег?

– А вы, Степан, разве не знаете? – заюлил он.

– Назовите конкретную цифру.

– Четыреста шестьдесят тысяч. Но это с процентами. Выплачивать можно долго. Очень долго. Рассрочка на десять лет. Я договорился.

– А без процентов? Если я достану всю сумму сразу?

– Всю сразу?!.. – Хейфец помолчал. – Погодите, прикидываю. Без процентов, я думаю, выйдет четыреста десять тысяч. Да. Где-то так.

– Дом можно купить, – сказал я.

– Только в пригороде. И какой-нибудь захудалый. Зачем вам дом, Степан, мой друг? Вы же горожанин. Вы из Москвы. Не так ли? Большинство нью-йоркцев снимают квартиры всю жизнь. И счастливы.

– Ладно, я понял. Спасибо.

– И мой гонорар! – забеспокоился Иосиф. – Возьму с вас по-божески. Скажем, тридцать тысяч за все мои услуги, которые, как вы понимаете, стоят недешево, потому что не совсем законны. И ведь я же буду представлять вас в суде... А это, знаете ли...

– Знаю, я понял. Значит всего четыреста сорок тысяч.

– Ну да. Но мне гонорар заранее платить не нужно. Только половину. Остальную половину заплатите, когда мы точно будем знать, что вас не депортируют.

Какая удивительная щедрость с его стороны, подумал я насмешливо. Но вслух сказал:

– Я нашел человека, который еще кое-что продаст в России.

– Это замечательная новость. Вы очень обрадуете меня, если сразу погасите все долги. Солидные люди готовы подождать. Но на самом деле – они это очень не любят...

Когда я пообщался с Юрой, он долго смотрел на меня.

– Вот скажи мне, Калита, ты ведь вроде не дурак, не лох, так?

– Ну да.

– Так почему какой-то еврейский адвокатишка так запросто дурит тебя?.. Нет никаких солидных людей. Есть он один. Ты хоть знаешь, где он живет?

– Нет. Но я знаю его номер.

– В башне, на Парк Авеню. У него четыре ванных, бассейн и терраса с охренительным видом. Стоит такая квартирка миллионов тридцать. Это потому, что у него много таких клиентов, как ты. Ты, наверное, думаешь – зато он будет защищать меня в суде. Я навел справки.

Он частенько проигрывает. Так что за свои деньги ты даже не застрахован от депортации. Но я тебя понимаю. Ты, наверное, был в таком ауте, что бумажки подмахивал не глядя, лишь бы с кичи выбраться?

– Да, – сказал я удрученно.

– Нет, поручитель там есть. Какой-то банкир. Я так понимаю, они действуют, как кооператив «Добрые услуги», оставляя клиентов без единого цента. Ну что, выбирай. Будем трясти банкира? Или сразу – уберем адвоката?

– Мне надо подумать, – сказал я. Закидону хорошо было рассуждать, а у меня все мое дело было завязано на Иосифе Хейфеце. Если он внезапно исчезнет, кто знает – вдруг полиция решит проверить всех его клиентов. А как же чертов суд? Как я пойду на него без адвоката? Суда я боялся.

– Давай возьмем деньги у банкира – и отдадим их адвокату, – решил я.

– Четыреста сорок штук?! – Юра покачал головой. – Ты неправильно как-то мыслишь. Я, падлой буду, если он деньги получит, он с тебя не слезет. Начнет и дальше пытаться из тебя что-то вытянуть.

– А я скажу, что у меня больше ничего нет.

– Нет, так не пойдет. – возразил Закидон. – На дурасть я не подписываюсь. Предлагаю тряхнуть твоего поручителя. А деньги Хейфецу не отдавать. Поделим их с братвой.

– Закидон, – я напрягся. – Такое ощущение, что ты мне не помогаешь, что у тебя свой интерес в этом деле.

– Ну а як же без интересу-то? Я тоже хочу свой скромный гешефт поиметь... Чем я хуже этого твоего еврейского адвокатишки?

– Ты сам подумай. Как мне это поможет, если поручитель исчезнет, а денег Хейфец не получит?

– А он сильно испугается, – сказал Юра. – И решит тебе помогать просто так. По доброте душевной. С евреями это случается. Приступ альтруизма по причине полных штанов говна.

Мне очень не нравилась эта затея, но спорить с Закидоном было бесполезно. И я решил – будь что будет. Пусть помогает, как умеет. В конце концов, он здесь главный. А я в этой игре – только пешка, которая в короли пока что даже и не метит.

– Ладно, – сказал я. – Давай сделаем, как ты считаешь нужным...

Через пару дней мы поехали в пригород Нью-Йорка на краденом фургоне. За рулем сидел Закидон. Я рядом. А в кузове – шесть бойцов. Все вооружены до зубов.

Банкир предпочитал жить в сельской местности. Территория его владений была в несколько акров. На них паслись коровы и лошади.

– Фермер, – уважительно сказал Закидон. – Это он так он налогов уходит. Можно было, конечно, похитить его дочурку. Она как раз созрела. Но шкура вышла замуж и укатила в Чикаго. Так что папка живет совсем один. Но с молодой женой.

– Откуда ты все это узнал? – удивился я.

– Разведка донесла.

Вдалеке виднелась большая белая усадьба с красной черепичной крышей. Фургон остановился. Мы вышли, бойцы посыпались из кузова.

– Если мне верно доложили, там у него охрана и собаки, – сказал Закидон. – Всех валить нам не с руки. Надеюсь, обойдется без лишнего шума. – Он двинулся в сторону реки. – Лучше зайти оттуда. Из дома нас не будет видно...

У ребят в руках были, в основном боевые гладкоствольные ружья и армейские винтовки. Ох, как мне это не понравилось... Несмотря на то, что Закидон сказал «поднимать шум нам не с руки», похоже, именно это он и собирался сделать. По его команде мы залегли в траву. Юра достал армейский бинокль и принялся обозревать окрестности. От операции он явно получал удовольствие.

– Так, пацаны, – сказал он. – Собаки на цепи. Один охранник сидит на крыльце. Второй, скорее всего, в доме. Шалый, сможешь подползти поближе – и снять его?

Шалый кивнул. И сразу пополз в сторону дома. Двигался по-пластунски он весьма неумело. И ствол винтовки с оптикой то и дело выглядывал из травы, как антенна передатчика вражеского диверсанта.

– Не солдат, – Юра вздохнул. – Видишь, – обратился он ко мне, – с какими кадрами приходится иметь дело.

Охранник (это было видно и без бинокля) вскочил со стула, и по рации начал вызывать подкрепление. Шалый это заметил. Он встал во весь рост и побежал к дому, стреляя на ходу.

– Вот дурак, ну-у, дурак, – протянул Юра. И скомандовал: «Вперед, вперед, вперед, пошли!». Мы тоже поднялись и побежали.

Тем временем охранник (рядом с ним полетели щепка и куски краски от перил крыльца) присел на одно колено и несколько раз выстрелил из пистолета. Шалый упал, и антенна скрылась в траве.

– Прибавили шагу! – заорал Закидон.

Мы пробежали мимо Шалого, не останавливаясь. Я успел заметить, что он слабо шевелит рукой по груди, где на белой футболке расплывается темное пятно.

Охранник тем временем выпустил в нашу сторону несколько пуль, но впопыхах промазал, и скрылся в доме.

– А с-суки! – заорал Закидон, подбегая, и принялся поливать дом очередями справа-налево. По доскам забарабанило. Их пробивало насквозь. Представляю, какой в доме случился тарарам.

Я тем временем подбежал вплотную, разбил окно, дернул чеку и забросил внутрь гранату. Успел упасть на землю. Бабахнуло, и меня осыпало стеклами.

Юра оглянулся ошалело.

– Откуда дровишки?

– Да было у меня припасено. Парочка.

– Молодца, – одобрил Закидон: – Запасливый, как пчелка. Парни, – заорал он, – обходите дом. Там черный ход. Никому не дайте уйти.

Двое побежали направо, трое налево. Мы с Закидоном остались у входа. Вскоре справа послышалась стрельба и отчаянные крики. Мы кинулись туда.

Двое парней волокли за руки пожилого мужчину с седыми длинными усами. Бросили его на землю перед Юрой. Он сразу попытался встать, но Закидон ткнул ему стволом в плечо: «Сидеть!», и тот остался стоять на коленях, глядя на нас с ненавистью.

– Охранника уложили, – сказал один из наших. – Тоже хотел через черный выход утечь.

– Где второй? – спросил Юра пленника.

– Нет никакого второго, – тот сплюнул. Русский – надо же, отметил я. Значит, меня «грабили» сплошные русские. В Америке все, кто из России – русские. И татары, и евреи, и прочий интернационал... И не только меня. За счет русских иммигрантов собирались пожить наши же бывшие соотечественники. Вот клопы вонючие!

– Слышь, Бара, проверь погреб. Они наверняка там заховались.

Бара и еще один парень по кличке Сом вышибли дверь и ворвались в дом. Внутри послышались звуки стрельбы. Вскоре появился Бара и Сом, он держался за левое плечо, его ранили.

– Там они были. Охранник и баба евойная. Обоих – в расход пустили.

– В расход?! Ну и правильно!

Выдержка у «солидного поручителя» была железная. Узнав о смерти молодой жены, он только зубами скрипнул и спросил:

– Вы кто такие?!

– А что не видно? Мы – русская мафия, – Закидон захохотал. – Короче, дело к ночи. Ты нам бабла, задолжал, мил человек. С тебя четыреста сорок штук. И разбег...

– А ты шутник. Думаешь, я такие бабки дома держу?

– А я все предусмотрел. Ты по телефону позвонишь управляющему – и скажешь, чтобы деньги перевели вот на этот счет, – Юра достал из кармана бумажку и сунул под нос «поручителя». – Сделаешь – будешь жить. Не сделаешь – пиздец тебе. Убьем.

– Сирена, – сказал Сом.

– Бля, – Закидон явно не ожидал, что полиция появится так скоро. – Айда к фургону, братва. И этого берите с собой.

Выкрутив «поручителю» руки за спиной, его заставили бежать впереди по полю. По дороге Бара сгреб в охапку раненого Шалого. Тот был без сознания.

В салон фургона пожилого пленника зашвырнули так, что он с грохотом приземлился на пол и охнул от боли.

– Как они так быстро приехали? – пробормотал Закидон, поворачивая ключ в замке зажигания. Мы помчались по проселочной дороге, все быстрее, и быстрее, подпрыгивая на ухабах. В зеркало заднего вида я увидел, что полицейские машины остановились возле забора усадьбы, и из них посыпались люди в черной форме, похожие издали на игрушечных солдатиков.

Проехав примерно милю, Закидон заглушил мотор, выскочил из машины, распахнул кузов.

– Так, уходить будем пешком. Фургон, наверняка, уже ждут на шоссе. Оружие скидывайте здесь. Этого берем с собой.

«Поручителя» несколько раз ударили в лицо. Он обмяк. Тогда его встряхнули, и заставили быстро идти в ногу со всеми. Вид у него был угрюмый и злой. Я подумал, что на его месте сильно испугался бы. Не знаю, как повел бы себя. Он же сохранял достоинство. Шалого несли за руки и за ноги.

По дороге мы перелезли через сетчатый забор (Шалого безжалостно перекинули, как безвольную куклу), пересекли скоростное шоссе (машины с визгом тормозили), углубились в небольшую рощицу, и наконец, примерно через час, выбрались к первым городским постройкам.

– Странно, что они вертолет не прислали, – сказал Закидон.

– А может, прислали, да не туда, – буркнул Бара.

– Может... Ты у нас по машинам спец. Иди, ищи подходящую тачку, чтобы мы все влезли, – обратился Закидон к одному из парней.

Тот ушел и не возвращался часа два.

– Как там Шалый?

– Умер... – отозвался Сом.

Юра от злости стал колотить по стене дома и разбил кулаки в кровь. Его подопечные смотрели на своего предводителя не без страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.